В. П. Даниленко

КАРТИНА МИРА В БЫЛИНАХ РУССКОГО НАРОДА

Валерий Даниленко

Картина мира в былинах русского народа

«Алетейя»

2018

УДК 801.81:398.8(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

Даниленко В. П.

Картина мира в былинах русского народа / В. П. Даниленко — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-73-2

Былинная картина мира того или иного народа по-своему отражает мировидение этого народа. У каждого народа оно своеобразно. Цель этой книги наметить путь к воссозданию былинной картины мира русского народа. Она анализируется по пяти рубрикам – мир, физическая природа, живая природа, психика и культура. Последняя в свою очередь состоит из материальной культуры, куда входят пища, одежда, жилище и техника, и духовной культуры, куда входят религия, наука, искусство, нравственность, политика и язык. Книга предназначена для тех, кто ценит русскую народную мудрость.

УДК 801.81:398.8(=161.1)
ББК 82.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-907030-73-2

© Даниленко В. П., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Введение 6
1. Теоретические предпосылки 8
1.1. Краткая история собирания и изучения русских былин 9
1.1.1. Важнейшие сборники былин 9
1.1.2. Основные вехи в истории былиноведения 11
1.1.2.1. Мифологическая школа 12
1.1.2.2. Миграционная школа 12
1.1.2.3. Историческая школа 13
1.1.2.4. Эстетическая школа 16
1.2. Периодизация былинного сочинительства на Руси 20
1.2.1. Мифологический период 21
1.2.2. Киевский период 24
1.2.3. Владимиро-суздальский период 29
1.2.4. Областной период 34
1.3. Жанровое своеобразие былины 40
1.3.1. Формальные особенности былины 43
Конец ознакомительного фрагмента. 46

В. П. Даниленко
Картина мира в былинах русского народа

© В. П. Даниленко, 2018
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Не у всех младенчествующих народов есть прекрасная и богатая народная поэзия. Чем же обусловливается её расцвет? Энергиею народной жизни. Только там являлась богатая народная поэзия, где масса народа волновалась сильными и благородными чувствами, где совершались силою народа великие события.
Н. Г. Чернышевский

Введение

Весь мир иногда называют *универсумом*, а его эволюцию – *унигенезом*. Но у мира есть ещё и полуметафорическое название – *мироздание*. Следует сразу уточнить: мироздание *четырёхэтажное*.

На первом этаже мироздания расположилась физическая природа (земля, вода, воздух и т. д.). Её можно назвать также физиосферой. Внутри этого, нижнего, этажа происходит её эволюция – физиогенез. У физиосферы нет эволюционного возраста, потому что она вечна. Но эволюционный возраст Земли известен – 4,54 миллиарда лет. Она возникла из солнечной туманности. Возраст же Солнца – приблизительно 4,57 миллиарда лет.

На втором этаже мироздания расположилась живая природа (растения, животные, люди). Её можно также назвать биосферой. Внутри этого этажа происходит её эволюция – биогенез. Предполагают, что жизнь возникла на Земле 3,9 миллиарда лет назад.

На третьем этаже мироздания мы обнаруживаем психику (ощущения, восприятия, представления, понятия и т. д.). Внутри этого этажа протекает её эволюция – психогенез. Если психическую способность приписывать всем животным, то можно сказать, что эволюционный возраст психики совпадает с возрастом животных.

На четвёртом этаже мироздания, наконец, расположилась культура (пища, одежда, жилище, техника, религия, наука, искусство, нравственность и т. д.). Внутри этого, верхнего, этажа происходит её эволюция – культурогенез. Эволюционный возраст культуры совпадает с эволюционным возрастом человечества, поскольку создателем культуры стал человек. Собственно говоря, наш животный предок потому и стал превращаться в человека, что он стал создавать культуру. Вот почему культурогенез можно назвать также антропогенезом или гоминизацией (очеловечением). Его эволюционный возраст – приблизительно 2,5 млн. лет.

Культура делится на материальную и духовную. Первую составляет всё то, что связано с удовлетворением телесных потребностей человека – в пище, одежде, жилище, технике, а вторую – что связано с удовлетворением его духовных потребностей – в религии, науке, искусстве, нравственности, политике, языке.

Каждая сфера духовной культуры изображает мир по-своему. Иначе говоря, каждая из них создаёт особые картины мира – религиозные (мифологические), научные, художественные, нравственные, политические, языковые.

Таких картин – великое множество. Особенно ярко это видно на примере религиозных и языковых картин мира. Сколько народов – столько религиозных и языковых картин мира. У каждого народа, вместе с тем, имеются также свои научные, художественные, нравственные и политические представления. Однако до более или менее разработанных научных, художественных, политических и языковых картин мира поднимаются по преимуществу цивилизованные народы (см. подр.: *Даниленко В. П., Даниленко Л. В.* Эволюция в духовной культуре: свет Прометея. М.: КРАСАНД, 2012. 640 с.). К таким народам принадлежат русские.

Русский народ создал богатейшие народные (фольклорные) картины мира. К их числу относятся его сказочная, пословичная и былинная картины мира. Первой из них посвящена моя книга «Картина мира в сказках русского народа» (СПб: Алетейя, 2017), а второй – «Картина мира в пословицах русского народа» (СПб: Алетейя, 2017). Предлагаемая книга, как следует из её названия, обрисовывает русскую былинную картину мира. В центре этой картины мира – русские богатыри.

Образы богатырей – идеализация русских воинов-освободителей. Душа слушателей былинных песен наполнялась надеждой, что и в жизни появятся такие богатыри, как Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович. С воодушевлением они слушали начало былины «Застава богатырская»:

От славного от города от Киева
За три версты за мерные
Стояла застава великая:
Во-первых, стоял старый казак Илья Муромец,
Во-вторых, Добрынюшка Никитинич,
В-третьих, Алёша Попович млад.

1. Теоретические предпосылки

Автор «Слова о полку Игореве» (XII в.) писал: «Начати же ся тьи пѣсни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню». Стало быть, под *былиной* он понимал то, что *было* на самом деле, а не вымышлено сочинителем.

С Ивана Петровича Сахарова (1807–1863) начинается история термина *былина* в фольклористике – науке о народном творчестве. Под былиной в ней стали понимать особый жанр в устном народном творчестве, который певцы-сказители называли *старинами, старинками* или *старинушками*. Но со временем и они освоили ласковое слово *былиночка*.

До И. П. Сахарова в учёной среде былины обычно называли поэмами или богатырскими сказками. Позднее былинный жанр стали называть героическим эпосом. Его главными героями стали русские богатыри – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович.

1.1. Краткая история собирания и изучения русских былин

Истоки былинного творчества восходят к IX–X вв. С этого времени начинается их песенная история. Одни певцы шли по пути творческой доработки уже имеющихся сюжетов, а другие не только дорабатывали старые сюжеты, но и создавали новые.

Особенно интенсивным в былинном творчестве был период с середины XII в. до конца XIII. Эти полтора столетия были трагическими для восточнославянского (древнерусского) народа.

С одной стороны, к середине XII в. Древняя Русь перестала существовать как более или менее единое государство. Киевская Русь ушла в прошлое. Киев утратил центральную роль в объединении восточнославянских племён. С другой стороны, в 1237–1240 гг. хан Батый совершил своё нашествие на Русь. В истории русского народа началась мрачная эпоха татаро-монгольского ига. Эта эпоха длилась около 250 лет – до 1480 г.

Утрата государственного единства Древней Руси к середине XII в. под эгидой Киева породила мечту о возрождении этого единства. Киев возродился, но не в реальной истории, а в былинах. Их певцы создали свой – былинный – Киев.

Нельзя считать, что былинный Киев целиком и полностью отличается от реального Киева. В первом, как и во втором, живёт киевский князь Владимир. В первом, как и во втором, ему служат верные воины. В первом, как и во втором, русские люди живут в сходных условиях. Едят одну и ту же пищу. Пьют одни и те же напитки. Одеваются в подобные одежды. Строят подобные дома. Но при этом былинный Киев кардинальным образом отличается от реального.

Былинный Киев, несмотря на то, что в нём отражены некоторые черты реального Киева, – это по преимуществу другой Киев – художественный, воображаемый, созданный творческой фантазией былинных сказителей. В этом, былинном, Киеве живёт князь Владимир, художественный образ которого явно приукрашен по сравнению с его прототипом. В этом, былинном, Киеве живут богатыри – Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович и др. В реальном Киеве их не было. Каждый из них – плод народной фантазии. Каждый из них – вымышленный художественный герой.

1.1.1. Важнейшие сборники былин

В 1804 г. русские былины, которые в устной форме существовали на протяжении многих столетий, приобрели печатную форму. В этом году появился первый сборник русских былин. Его составителем был Кирша Данилов. Кем он был этот человек со странным именем, точно неизвестно. Предполагают, что в первой половине XVIII в. он работал на заводе известного уральского богача П. А. Демидова. Возможно, именно он поручил Кирше Данилову записать былины. Тот выполнил эту работу и передал свои записи хозяину. После его смерти записи К. Данилова хранились у разных людей.

В 1804 г. Ф. Якубович издал записи К. Данилова под названием «Древние русские стихотворения». В 1818 г. этот сборник был переиздан К.Калайдовичем под другим названием – «Сборник Кирши Данилова». В этом сборнике помещено около 25 былин. Язык этих былин отличаются архаичностью. В некоторых местах их нелегко читать, зато для былиноведов «Сборник Кирши Данилова» – настоящий кладезь для восстановления истории былин.

В 1860–1874 гг. П. А. Бессонов издал десять выпусков «Песен, собранных П. В. Киреевским». Первые пять выпусков содержали былины.

Пётр Васильевич Киреевский (1808–1856) – известный славянофил. Как и другие славянофилы, он молился богу на русское крестьянство, в котором видел идеал нравственного

совершенства. Чтобы его постичь, считал он, следует в первую очередь обратиться к русским эпическим песням. Он собирал их всю жизнь, но до их издания, к сожалению, дожить не успел.

Собирательская деятельность П. В. Киреевского была очень масштабной. Он подключил к ней великих современников – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. И. Даля, А. Х. Востокова и др. В «Песни, собранные П.В.Киреевским» вошли записи эпических песен, сделанных в Поволжье, на Севере, на Урале и др. областях России.

В 1861–1867 гг. вышли «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Павел Николаевич Рыбников (1832–1885) – был сыном московского купца-старообрядца. Он интересовался историей раскольничества. Но в то время эта история была под запретом. Он был арестован и выслан на Север – в город Петрозаводск. Он стал в этом городе чиновником. В должности секретаря статистического комитета он впервые услышал онежские былины. Он был от них в восторге:

«Меня разбудили странные звуки: до того я много слыхал и песен, и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и весёлый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрёму я рассмотрел, что шагах в трёх от меня сидит несколько крестьян, а поёт-то седой старик с окладистою белою бородою, быстрыми глазами и добродушным выражением на лице. Присев на корточки у потухавшего огня, он оборачивался то к одному соседу, то к другому и пел свою песню, прерывая её иногда усмешкою. Кончил певец и начал петь другую песню, тут я разобрал, что поется былина о Садке-купце, богатом госте. Разумеется, я сейчас же был на ногах, уговорил крестьянина повторить пропетое и записал с его слов» (Былины в двух томах. Т. 1. Сост. В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. М., 1958 (сокращённо – ПП). С. VI–VII).

П. Н. Рыбников проделал огромную работу. В его сборник вошло рекордное для его времени число былинных текстов – 220. Эту работу продолжил Александр Фёдорович Гильфердинг (1831–1872). В 1852 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета. По окончании университета он защитил магистерскую диссертацию «Об отношениях языка славянского к другим родственным». Под влиянием славянофилов он стал заниматься славяноведением. В 1856 г. он стал членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.

Вдохновлённый сборником П. Н. Рыбникова, летом 1871 г. он совершил поездку по Онежской губернии. Результат этой поездки был потрясающим: он собрал 318 былинных текстов от 70 сказителей. Они вошли в сборник «Онежские былины, записанные Александром Фёдоровичем Гильфердингом летом 1871 года». Он вышел после смерти автора от тифа – в 1873 г.

Сборники К. Данилова, П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, изданные в XIX в., – основа былинного фонда. В XX в. появляется множество новых сборников былин. Назову здесь важнейшие из них.

1. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. в 3-х т. М., 1904 (т. 1); Прага, 1939 (т. 2); СПб., 1910 (т. 3).

2. *Астахова А. М.* Былины Севера в 2-х т. М.-Л., 1938 (т. 1); 1951 (т. 2).

3. Русский народный эпос. Сводный текст. Сост. Н. В. Водовозов. М., 1947.

4. Онежские былины. Сост. В. Чичеров. М., 1948.

5. *Соколов Б. М.* Былины. Историчесмкий очерк, тексты и комментарии. М., 1957.

6. Былины в двух томах. Сост. В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. М., 1958.

7. Добрыня Никитич и Алеша Попович. Сост. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1974.

8. Новгородские былины. Сост. Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978.

9. Былины. Сост. С. Н. Азбелев. Л., 1984.

10. Русская народная поэзия. Сост. Б. Н. Путилов. Л., 1984.

Выделю из этого списка трёхтомник Александра Дмитриевича Григорьева (1874–1940). У В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова читаем: «Пример с А. Д. Григорьевым особенно наглядно показывает, какие трудности чисто внешнего порядка вставали на пути собирателей, сколько сил, упорства, желания надо было иметь, чтобы в течение нескольких лет настойчиво исследовать глухие места, в которых хранилась былина. Только в одну третью поездку за два с половиной месяца Григорьев проехал 2098 вёрст по железной дороге, 180 на пароходе, 540 в лодках, 820 на лошадях и 62 версты прошёл пешком. Экспедиция проходила в холодную и дождливую погоду, в условиях бездорожья, полного отсутствия самых элементарных удобств, привычных для горожанина, безо всякой серьёзной поддержки со стороны местных и столичных учреждений и организаций. На свой страх и риск, одушевлённый страстью собирателя, Григорьев с фонографом в руках объехал и обошёл пешком 39 населённых пунктов, записал от 65 лиц 213 былин, сделал 174 записи напевов на 52 валика, собрал массу наблюдений над бытованием эпоса в этом районе, подробно познакомился с условиями жизни крестьян» (ПП. С. X–XI).

Былинные певцы принадлежали не только к крестьянам, но и к другим социальным группам. Ю. М. Соколов писал: «Утверждать, что создателя ми-исполнителями былин в Древней Руси были непременно только крес тьяне-землепахари, что былина была от начала до конца продуктом лишь крестьянского творчества, было бы неверно, так как огромное большин ство былин говорит о событиях, совершавшихся в городах (Киеве, Вели ком Новгороде, Галиче-Волынском и т. д.), и в них содержатся истори чески очень верные детали городского (военного, княжеско-боярского, купеческого) быта. Во всяком случае, слагатели былин были люди быва лые, люди, хорошо знавшие страну и бытовую, и общественную жизнь различных слоёв народа» (*Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1941. С. 247).

Вплоть до XIX в. имена былинных сказителей были неизвестны, но в XIX в. некоторые из них приобрели известность. Самым знаменитым среди них стал, пожалуй, Трофим Григорьевич Рябинин (1801–1885). Он был олонецким крестьянином. Его исполнение былин отличалось большим мастерством.

П. Н. Рыбников писал Т. Г. Рябинине: «В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда была заметна спокойная сила и сдержанность» (*Пропп В. Я.* Русский героический эпос М., 1955 (сокращённо – Пр.). С. 517). Он исполнял множество былин – такие, как «Дунай», «Потык», «Илья и Калин-царь», «Илья и Соловей-разбойник» и др.

Трофим Рябинин стал родоначальником целой династии былинных сказителей. Самым талантливым оказался его младший сын Иван. Со временем он объездил с былинами множество городов. Искусным былинным исполнителем стал пасынок Ивана Трофимовича – Иван Герасимович Рябинин-Андреев, а от него выучился былинному искусству его сын Пётр Иванович Рябинин-Андреев.

Наиболее известной сказительницей стала Марфа Семёновна Крюкова (1876–1954). Она была архангельской крестьянкой. О ней писал В. Я. Пропп: «Марфа – новый тип исполнителя. Она относится к своему творчеству совершенно сознательно… Крюкова не только хранила созданное народом, но и создавала новые былины. Из 157 записанных от неё былин, по подсчётам А. М. Астаховой, – 78 былин новых, до этого бывших неизвестными» (Пр. С. 511).

1.1.2. Основные вехи в истории былиноведения

Издание былин в сборнике Кирши Данилова произвело на читающую публику впечатление разорвавшейся бомбы. Вот, оказывается, какие богатства хранит русский народ! Некото-

рые былины, входящие в этот сборник, проанализировал великий литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848).

В. Я. Пропп назвал В. Г. Белинского «Основоположником науки о народной поэзии» (Пр. С. 14). «Для Белинского, – писал учёный, – песня прежде всего есть создание *художественного* гения народа» (там же). При этом он учил видеть в них не только художественный вымысел, но и обнаруживать в них следы тех или иных общественных условий, в которых они создавались.

Так, анализируя былину о новгородском богатыре Василии Буслаевиче, В. Г. Белинский обращал внимание на неверность утверждений о том, что Василий Буслаевич был просто-напросто пьяницей и драчуном. Чтобы понять истинную природу Василия, учил В. Г. Белинский, мы должны увидеть в его конфликте в новгородцами вовсе не пьяную драку, а проявление классовой борьбы, характерной для времени, когда былина о нём создалась. Он писал: «С самого начала поэмы (термин *былина* ещё не употреблялся. – *В. Д.*) вы видите существование в Новгороде двух сословий – аристократии и черни, которые не совсем в ладу между собой» (Пр. С. 429).

В академической науке в области былиноведения сложилось четыре школы – мифологическая, миграционная, историческая и эстетическая.

1.1.2.1. Мифологическая школа

Главой этой школы у нас стал Фёдор Иванович Буслаев (1818–1897). В 1838 г. он окончил словесное отделение Московского университета. С 1847 г. он профессор Московского университета. Ему принадлежит множество трудов. В своих суждениях о сказках и былинах он выдвинул на первый план их мифологическое происхождение.

Былинные богатыри истолковывались Ф. И. Буслаевым как потомки языческих богов. Сами эти боги олицетворяли те или иные природные стихии – землю, воду, воздух и т. п. Задачу исследователя былин он видел в том, чтобы обнаружить в том или ином богатыре его божественного предка. Такую задачу стал ставить перед собой и Орест Фёдорович Миллер (1833-1889) – выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета.

В докторской диссертации «Илья Муромец и богатырство Киевское» (1870) О. Ф. Миллер довёл мифологическое истолкование былин до крайнего предела. Выразительный пример – истолкование боя Ильи со своим сыном Сокольником. Оказывается по О. Ф. Миллеру, что за этим боем кроется борьба бога-громовника с тучами, которые сам же он и порождает.

К мифологической школе примкнул и известный собиратель русских сказок Александр Николаевич Афанасьев (1826-1871). Как и О. Ф. Миллер, он возводил образ Ильи Муромца к богу-громовику. «Окованный зимней стужей, он сидит сиднем (т. е. не заявляет себя в грозе). Но вот чудесные странники, калики (весенние дождевые тучи), напояют его живительной влагой – дождём. Тогда он обретает силу, которую и направляет против злых демонов зимы и мрака. Его стрелы, которыми он поражает Соловья-разбойника, – стрелы-молнии. Свист Соловья – завывание зимних ветров, и т. п.» (*Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.-Л., 1966. С. 30).

1.1.2.2. Миграционная школа

Эта школа (В. В. Стасов, Г. Н. Потанин, А. Н. Веселовский, ранний В. Ф. Миллер и др.) направила свои усилия на обнаружение сюжетов русских былин в зарубежном эпосе.

В статье «Происхождение русских былин» (1868) Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) искал истоки русских былин и сказок у восточных народов – Средней Азии, Индии, Ирана и др. Его выводы о заимствовании былинных и сказочных сюжетов от восточных народов звучат оскорбительно для русских былинных сказителей и сказочников: «Одним словом,

как в отношении состава, так и подробностей, наши былины – довольно тощий и сильно кастрированный экстракт восточных поэм и песен, и притом точно такой же, как и наши сказки» (там же. С. 32).

Подобные измышления получили гневную отповедь со стороны Ореста Миллера, который имел крайне славянофильские взгляды.

Если В. В. Стасов и Г. Н. Потанин искали истоки русских былин на Востоке, то А. Н. Веселовский – на Западе. Он считал, например, что Чурила Пленкович переселился на Русь из Италии. Он явился в Киев, чтобы «изумлять своих более грубых соседей блеском своих культурных привычек и обстановки» (*Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 2015. С. 277).

В. Ф. Миллер считал, что сюжет «Садко» был заимствован новгородцами от эстонцев и финнов. Он писал: «Сюжет, известный в эстонском и финском фольклоре, перешёл к новгородцам. Но поскольку у русских одной из самых популярных была собст венная сказка о морском царе, то заимствованная версия сюжета приняла форму былины» (*Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1897. С. 297).

1.1.2.3. Историческая школа

Эта школа (В. Ф. Миллер, Л. Н. Майков, С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров и др.) выдвинула на первый план проблему соотношения былин с реальными историческими событиями, которые происходили в Древней Руси.

Главой исторической школы в былиноведении по праву считают Всеволода Фёдоровича Миллера (1848–1913). В 1870 г. он окончил историко-филологический факультет Московского университета и стал в дальнейшем учёным мирового класса. Его «Очерки русской народной словесности. Былины. I–XVI» (М. 1897. – 464 с.) написаны так, будто их автор – наш современник. Никаких архаизмов! Он поражает своих читателей колоссальной эрудицией и очаровывает их блеском своего изящного стиля. Читая его очерки о богатырях, начинаешь понастоящему понимать, как высок был уровень былиноведческой мысли в XIX в.

Свою задачу В. Ф. Миллер видел в том, чтобы сквозь призму былинных песен восстановливать те или иные исторические события. Он был убеждён в том, что сквозь былинную призму можно в какой-то мере рассмотреть и конкретных участников этих событий, ставших прототипами былинных героев.

На очень богатом материале В. Ф. Миллер усиленно искал прототипы русских богатырей. В результате пришёл, в частности, к выводу о том, что прототипом Добрыни Никитича был дядя киевского князя Владимира по имени Добрыня, прототипом Алёши Поповича – Александр Попович, который участвовал в битве на реке Калке в 1223 г. И т. д.

По поводу прототипа Добрыни Никитича В. Ф. Миллер писал: «Исходя из древней, внесённой в летопись, пословицы *Добрыня крестил огнём, а Путята мечом* и из сообщаемого отрывком Якимовской летописи рассказа о насильственном крещении нов городцев воеводами Владимира Добрыней и Путятой, я предположил, что предание о борьбе Добрыни с язычеством приняло впоследствии шаблонные черты боя героя с змием, являющимся олицетворением диавола, язычества и всего нечистого. Подтверждение такого толкования былины я находил как в новгородском местном предании о змияке и перюнском ските, так и в отдельных деталях былины: купание Добрыни (креще ние), в Пучайной (т. е. р. Почайне, при устье которой в Днепре совер шилось крещение киевлян), в отчестве *Забавы Путятичны,* последнем следе летописного воеводы Путяты, избавленного Добрыней от нападе ния новгородских язычников, в приёмах борьбы Добрыни (шляпа земли греческой) и проч.» (*Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. М., 2015. С. 220).

Леонид Николаевич Майков (1839–1900) изложил свою позицию в книге «О былинах Владимирова цикла» (1863) следующим образом: «Содержание былин Владимирова цикла хотя и вымышленное, но представляется в обстановке, заимствованной из положительной истории, и поэтому хотя между сюжетами былин есть и такие, которые можно возвести к эпохе доисторического сродства индоевропейских преданий, тем не менее всё содержание былин, а в том числе и эти древнейшие предания представляются в такой редакции, которая может быть приурочена только к положительно-историческому периоду. Поэтому необходимо всмотреться в главные исторические данные, встречаемые в былинах Владимирова цикла» (там же. С. 38).

Л. Н. Майков не был крайним «историцистом» в былиноведении. Он считал, что стремиться к установлению прототипов у русских богатырей бессмысленно, поскольку эти богатыри – плод художественной фантазии. Он писал об Илье Муромце: «Илья существует не в истории, а в одном эпосе» (*Аникин В. П.* Русское устное народное творчество. М., 2001 (сокращённо – Ан.). С. 302).

В советской России историческая школа в былиноведении стала приобретать революционные ориентиры. В 1919 году А. В. Луначарский опубликовал статью с громким названием – «Илья Муромец – революционер». В этой статье он пишет об Илье: «Именно крестьянский сын является атаманом, именно он старшой и самый могучий» (*Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М., 1966. С. 103).

Бунт Ильи Муромца против Владимира А. В. Луначарский расценивает как бунт революционный: «Вы видите здесь Илью Муромца-революционера. Не только решается он самым резким образом протестовать против недостаточной чести, которую оказывает ему князь, но ещё выясняется его глубинная близость с голью кабацкою» (там же). Как революционный поступок А. В. Луначарский расценивает и стрельбу Ильи из лука по киевским церковным маковкам.

Кто же Илье противостоит? О Владимире А. В. Луначарский пишет: «На каждом шагу видим мы Владимира рыхлым и безвольным человеком, на которого влияют всякие наушники, заставляющие его самым несправедливым образом относиться к лучшим своим защитникам» (там же).

Свою статью А. В. Луначарский заключает таким выводом: «Крестьянское самосознание, горделиво выдвигая Илью как своего героя, в то же самое время с злобной насмешкой относится к Владимиру Красное Солнышко, несмотря на его признанную церковью святость» (там же).

Традиции исторической школы в былиноведении были продолжены в советское время такими известным учёными, как В. И. Чичеров, Д. С. Лихачёв и Б. Д. Греков.

• В. И. Чичеров: «Былины – эпические песни, отразившие факты русской истории главным образом 11–16 веков» (*Чичеров В. И.* Фольклор. М., 1940. С. 35)

• Д. С. Лихачёв: «Былина – не остаток прошлого, а историческое произведение о прошлом» (*Лихачев Д. С.* Возникновение русской литературы. М.-Л., 1952. С. 237).

• Б. Д. Греков: «Былина – это история, рассказанная самим народом» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 7).

Главой исторической школы в советском былиноведении стал Борис Александрович Рыбаков (1908–2001). В 1930 г. он окончил историко-этнологический факультет МГУ. В 1939 г. защитил кандидатскую диссертацию «Радимичи», а в 1942 г. – докторскую диссертацию «Ремесло Древней Руси». Он был очень титулованным учёным. Вот главные его титулы: действительный член АН СССР (1958), выдающийся историограф славянской и русской культуры, Герой социалистического труда (1978).

Непосредственное отношение к былиноведению имеет книга Б. А. Рыбакова «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (1963). Былины интересовали её автора не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они служили для него в качестве материала для изучения истории Киевской Руси. «Книга о древнерусских сказаниях, былинах и летописях, – читаем в первом

предложении этой книги, – является своего рода введением в историю Киевской Руси» (*Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи М., 2016 (сокращённо – Рыб.). С. 3).

Б. А. Рыбаков писал: «Несмотря на обилие поэтических образов, метафор, обобщённых эпических ситуаций, несмотря на нарушенность хронологии и смещённость ряда событий, былины всё же являются превосходным и единственным в своём роде историческим источником. Только былины, сложенные самим народом, могут указывать нам на оценку родной истории народом, творцом её. Только из былин, из рассмотрения всего былинного фонда в целом можем мы установить, какие периоды истории воспевались народом и о каких умалчивалось» (Рыб. С. 4).

Б. А. Рыбаков стремился к установлению исторических прототипов у тех или иных былинных героев. Так, вслед за В. Ф. Миллером он считал Добрыню, дядю киевского князя Владимира и брата его матери Малуши, прототипом былинного Добрыни Никитича. По былинам о нём он восстанавливал придворную карьеру исторического Добрыни. Он, в частности, писал:

«Былинная характеристика Добрыни Никитича никак не расходится с летописной. Былинный богатырь не княжеского рода, но исполнен достоинства, “вежества”, обучен грамоте, игре в шахматы, всем воинским искусствам. Он – дипломат, воин, придворный, и в то же время – певец и музыкант; его гусли и уменье играть на них упоминаются часто.

В то же время былины сохранили и такие детали из ранней молодости Добрыни, которые остались за пределами летописного рассказа:

Да три года жил Добрынюшка да конюхом,
Да три года жил Добрынюшка придверничком,
Да три года жил Добрынюшка да ключником,
Ключником Добрынюшка замочником,
Золотой да казны да жил учётчиком,
На десят-от год тут сдумал ехать во чисто-поле.
По три годы Добрынюшка стольничал,
По три годы Добрыня приворотничал,
По три годы Добрынюшка чашничал,
На десятое-то лето стал конём владать.

Придворная карьера брата ключницы Малуши могла действительно начинаться с таких низких ступеней. Былинный Добрыня делает то же самое, что делает и Добрыня летописный: женит Владимира, ратоборствует с язычеством, воюет во чистом поле с врагами Руси» (Рыб. С. 85–86).

Недавно вышла книга «Древняя Русь в зеркале былинной традиции» С. В. Козловского (СПб., 2017). Как и другие представители исторической школы, он видит в былинах не самоценный предмет исследования, а лишь один из источников для изучения русской истории.

С. В. Козловский пишет в эпилоге: «Былинный героический эпос, неразрывно связанный с цивилизацией Киевской Руси, даёт возможность проследить путь её социального развития от рождения до разгрома в ходе татаро-монгольского нашествия. Однако общественное развитие не остановилось с падением киевской цивилизации. Об этом позволяет судить наличие в эпических песнях общерусских идей уже в период ордынского ига. Череда актуальных для общества идей, общерусских по своей сути, нашедших отражение не только в эпосе, но и в письменных источниках, даёт возможность скорректировать некоторые выводы исследователей о развитии цивилизаций, а также о стимулах их эволюции вообще» (указ. соч. С. 333).

1.1.2.4. Эстетическая школа

Историческая школа в былиноведении использует былины в качестве материала для изучения тех или иных исторических событий и их участников. Никто не может ей запретить это делать. Но былины достойны быть не только материалом, но и предметом для самостоятельного исследования. Они имеют непреходящую художественную самоценность. Они составляют собственный предмет былиноведческой науки как таковой.

На односторонность исторического подхода в былиноведении ещё в 1924 г. указал А. П. Скафтымов. Он писал: «Былину, как таковую, проглядели, всегда хотели видеть в ней только музейные отголоски прошлого, оттого исследования о ней превращались в трактаты общей культурной и политической истории» (*Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. Поэтика художественного произведения. М., 1924. С. 40).

К точке зрения А. П. Скафтымова присоединилась А. М. Астахова. Она писала: «В былинах отражение исторического прошлого дано в таких больших художественных обобщениях, что в результате получается лишь общая картина определённого периода или известного момента исторической жизни народа… Также и образы богатырей, имена которых восходят к определённым историческим деятелям, не дают исторических портретов. В них заключены идеальные представления о герое, родившиеся на основе широкого обобщения действительности, и показаны различные типические проявления героики. То же следует сказать и о былинных воплощениях врага» (Северные исторические песни. Сост. А. Н. Астахова. Петрозаводск, 1947. С. 5–6).

Главой эстетической школы в советском былиноведении стал В. Я. Пропп. Он утверждал: «Былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле» (Пр. С. 27). Тут же он уточнял: «Былины отражают не единичные события истории, они выражают вековые идеалы народа» (там же).

К В. Я. Проппу присоединился Б. Н. Путилов. Он утверждал: «Существует довольно распространённое мнение, согласно которому в основе любой былины лежит конкретное историческое событие, а большинство былинных персонажей имеет реальных прототипов. Сначала народ будто бы создавал исторические песни о подлинных событиях и людях, но с течением времени они подверглись эпической переработке и принимали вид былин. При таком подходе содержание былин обедняется и упрощается, причём конкретно-исторические толкования их неизменно изобилуют натяжками… Гораздо более обоснованным является подход к былинам как художественным произведениям, создававшимся в форме богатырских, фантастических по содержанию песен, не связанных с конкретными фактами истории и реальными лицами» (Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Сост. Б. Н. Путилов. Л., 1984. С. 14–15).

Б. А. Рыбаков в своей книге посвятил несколько страниц критике эстетической школы в былиноведении. В этой критике он зашёл слишком далеко. Он стал обвинять В.Я.Проппа и Б. Н. Путилова в антисторизме. Так, о первом из них он писал: «В. Я. Пропп, борясь с буржуазной исторической школой, оторвал вообще русские былины от реальной исторической действительности» (Рыб. С. 55).

Приведённые слова отвергает чуть ли не каждая страница из прекрасной книги В. Я. Проппа «Русский героический эпос». Никакого антиисторизма в ней нет. Спор между Б. А. Рыбаковым и В. Я. Проппом есть спор дисциплинарный. Первый из них – представитель внешнего былиноведения, а второй – внутреннего. Первый видел в былинах в первую очередь материал для изучения русской истории, а второй – собственный предмет былиноведческой науки как таковой.

К эстетической точке зрения на соотношение былинного мира и исторической действительности присоединился В. П. Аникин. Но он её выразил менее категорично, чем Б. Н. Путилов. Он указывал: «Былины отразили историческую действительность в образах, реальная основа которых обогащена фантастическим вымыслом» (*Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и её значение для исторического исследования былин. М., 1980. С. 259).

В. П. Аникин, вместе с тем, писал: «Невозможно, например, сказать, кто именно изображён в Илье Муромце – главном герое былин, какое конкретное событие отразилось в былине о бое Добрыни со змеем и пр.» (Ан. С. 302).

Подобным образом определяет соотношение между реальным миром и былинным (эпическим) И. П. Черноусова. Она пишет в своей докторской диссертации: «В вопросе соотношения эпического мира, представленного в былинах, с историческими событиями мы следуем за учёными, считающими, что в былинах излагается своя былинная история и создается “свой” мир, непосредственно не соотносимый с реальным миром. Былина сохранила следы исторической конкретности: имена, реалии, жизненные эпизоды, бытовой фон эпохи в преломлении, диктуемом поэтической традицией. Их отбор определялся народными чаяниями и народными идеалами» (*Черноусова И. П.* Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины). Липецк, 2013. С. 121).

Между тем традиция связывать былины «с конкретными фактами истории и реальными лицами» (Б. Н. Путилов) продолжает сохраняться в нашей фольклористике. Она представлена, например, в книге Т. В. Зуевой и Б. П. Кирдана «Русский фольклор». Мы находим в ней отсылки к прототипам Добрыни Никитича, Алёши Поповича и др.

Авторы этой книги, в частности, сообщают своим читателям о том, что был прототип у Тугарина Змеевича. Они пишут: «Исторический прототип Тугарина Змеевича – половецкий хан Тугоркан (его имя, как видим, похоже на имя Тугарина. – *В. Д.*), погибший под Киевом в 1096 г. Он был в родственных отношениях с киевскими князьями. При Владимире Мономахе Тугоркан разорил окрестности Киева, был разгромлен и убит» (*Зуева Т. В., Б. П. Кирдан*. Русский фольклор. М., 1998. С. 192).

В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов отвергали научную ценность самого подхода, направленного на установление прототипов у тех или иных былинных персонажей. Так, Б. Н. Путилов писал: «Попытки найти за этими Змеями (с которыми сражались Добрыня и Алёша. – *В. Д.*) исторических персонажей (например, половецких ханов) фактически необоснованны и ничего не добавляют к прочтению былин в их общем художественном смысле» (Русская народная поэзия. Эпическая поэзия. Сост. Б. Н. Путилов. Л., 1984. С. 18).

Как относиться к проблеме установления прототипов у былинных героев?

Такие прототипы чрезвычайно гипотетичны. Степень их гипотетичности так велика, что само установление прототипов у былинных героев часто теряет свою научную ценность. Но следует ли отсюда, что в былиноведении следует вообще отказаться от прототипического подхода?

Ни один серьёзный былиновед не отказывался от данного подхода, когда речь шла, например, о князе Владимире. Сравнение исторического Владимира с былинным вовсе не бесполезно: в сравнении познаётся истина. Оно высвечивает дополнительные черты в былинном образе киевского князя.

Прототипический подход имеет право на существование в былиноведческой науке. Были и будут люди, которые будут относиться к этому подходу не столь отрицательно, как В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов. Более того, попытки, направленные на установление прототипов у былинных героев, будут сохраняться в науке и в будущем.

Эти попытки, вместе с тем, следует расценивать как гипотезы. У одних исследователей они более аргументированы, у других – менее. Однако в любом случае необходимо признание

самого принципа гипотетичности в установлении тех или иных прототипов у былинных персонажей.

Слишком много воды утекло! Вот почему сравнение гипотетических прототипов с былинными героями должно быть осторожным. Оно не должно сбивать исследователя с толку при трактовке былинных образов. Нельзя с детской доверчивостью относиться и к выводам сторонников прототипического подхода в былиноведении.

Былинные прототипы остаются в конечном счёте за бортом былинной картины мира. Она изображает художественные образы былинных персонажей, а не их гипотетических прототипов.

Вслед за Б. Н. Путиловым сказочную и былинную картины мира следует рассматривать как особые – художественные – перекодировки историко-этнографической действительности. *Перекодировка* значит *переиначивание*.

Сказки и былины *переиначивают* обыденное представление о мире. Это и приводит к созданию сказочной и былинной картин мира. Эти картины мира своеобразны. Они *иные* не только в сравнении с обыденной картиной мира, но и с другими картинами мира – религиозной, научной и т. п.

Никто не сомневается в том, что былины связаны с определёнными историческими событиями. Они не создавались в безвоздушном пространстве. В них не могла не проникнуть стихия реальной жизни. Но следует помнить, что их герои – вымышленные персонажи. Они – плод художественной фантазии былинных сказителей.

В XX – XXI вв. былиноведение интенсивно развивалось. Об этом свидетельствует такой далеко неполный список исследований:

1. *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. М., Саратов, 1924.
2. *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1955.
3. *Жирмунский В.* Народный героический эпос. М.-Л., 1962.
4. *Плисецкий М. М.* Историзм русских былин. М., 1962.
5. *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
6. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963.
7. *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.-Л., 1966.
8. *Липец Р. С.* Эпос и Древняя Русь. М., 1969.
9. *Путилов Б. Н.* Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971.
10. *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М., 1975.
11. *Юдин Ю. И.* Героические былины: Поэтическое искусство. М., 1975.
12. *Блажес В. В.* Содержательность художественной формы русского былевого эпоса. Свердловск, 1977.
13. *Мирзоев В. Г.* Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М., 1978.
14. *Аникин В. П.* Теория фольклорной традиции и её значение для исторического исследования былин. М., 1980.
15. *Аникин В. П.* Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов. М., 1984.
16. *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988.
17. *Астафьева Л. А.* Сюжет и стиль русских былин. М., 1993.
18. *Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* Былинная история. СПб., 1997.
19. Поэтика былин в историко-филологическом освещении: композиция, художественный мир, особенности языка. Под ред. А. В. Кулагиной. М., 2009.
20. *Козловский С. В.* Древняя Русь в зеркале былинной традиции. СПб., 2017.

Имена двух выдающихся былиноведов заслуживают особого внимания – Владимира Яковлевича Проппа (1895–1970) и Владимира Прокопьевича Аникина (род. в 1924).

В 1914–1918 гг. В. Я. Пропп учился на филологическом факультете Петроградского университета. С 1932 г. он стал работать в ЛГУ. С 1938 г. он его профессор. Его книгу «Русский героический эпос» (1955) можно смело назвать библией были-новедения. В ней даётся тонкий, глубокий, обстоятельнейший и непревзойдённый анализ множества наиболее известных былин.

В. П. Аникин в 1950 г. окончил филологический факультет МГУ. В 1954 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Значение народной поэзии в творческом развитии Алексея Николаевича Толстого», а в 1974 г. – докторскую диссертацию «Теория фольклорной традиции и её значение для исторического исследования былин». В 1979 г. он стал заведующим кафедрой русского устного народного творчества в МГУ.

1.2. Периодизация былинного сочинительства на Руси

Вопрос о периодизации былинного сочинительства на Руси относится к числу дискуссионных.

В. Я. Пропп в своей книге рассматривает периодизацию былинного сочинительства в соответствии с важнейшими событиями русской истории.

1. Феодализм (Волх Всеславьевич, Святогор, Михайло Потык, Дунай, Добрыня Никитич, Алёша Попович и др.).

2. Борьба с татаро-монгольским нашествием (Илья Муромец).

3. Образование централизованного русского государства (Микула Селянинович, Василий Буслаевич, Дюк Степанович и др.).

Более подробную периодизацию былинного творчества представил в своей книге Б. А. Рыбаков. Вот эта периодизация:

1. Начало былинной поэзии в IX–X вв. (Микула Селянинович).

2. Владимиров цикл былин конца X в. (Добрыня Никитич, Илья Муромец).

3. Былины середины XI в. (Соловей Будимирович, Глеб Володьевич).

4. Былины эпохи Владимира Мономаха (Алёша Попович, Святогор, Чурило Пленкович и др.).

5. Угасание былинного жанра в XII–XIII вв. (Саур Леванидович, Сухман Одихмантьевич).

Б. А. Рыбаков так верил в соответствие между историческими событиями и былинными, что отважился даже на датировку былин. Самым плодотворным периодом в создании былин он считал время с 975 г. по 990 гг. Вот как у него выглядит датировка некоторых былин этого времени:

975–977 гг. – «Микула Селянинович»;

980 г. – «Женитьба князя Владимира»;

981 г. – «Василий Казимирович»;

988–991 гг. – «Добрыня и Змей»;

988–993 гг. – «Исцеление Ильи Муромца»;

996 г. – «Илья Муромец и Соловей-разбойник»;

990 гг. – «Бой Ильи Муромца с сыном».

В качестве комментария к этим датировкам Б.А.Рыбаков поместил под ними такие слова: «Конечно, эта детальная периодизация внутри одного цикла никогда не может быть доказана с полной неопровержимостью во всех своих звеньях, так как ряд былин дошёл до нас со следами позднейших переделок и дополнений. Отдельные события и новые исторические лица других эпох, далёких от времени сложения былин, несомненно, повлияли на степень сохранности первоосновы (например, образ Марины Мнишек в былине о Добрыне и Маринке), но без попытки выделить хронологическую канву первичных былин, без сопоставления былин Владимирова цикла с реальными событиями народной жизни в эпоху Владимира мы вообще не можем и думать о каком бы то ни было анализе былинного творчества» (Рыб. С. 103).

Автор этих слов устанавливал «хронологическую канву первичных былин» с лёгкостью необыкновенной. Отсюда те неизбежные натяжки, за которые В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов справедливо критиковали историческую школу в былино ведении.

Так, былину «Женитьба князя Владимира» Б. А. Рыбаков подвёл под 980 г. По его мнению, в этой былине в какой-то мере отражены реальные события, связанные с женитьбой Владимира. По наущению своего дяди Добрыни он сначала изнасиловал полоцкую княжну Рогнеду на глазах её родителей и убил их вместе с её братьями, а потом насильно на ней женился.

Б. А. Рыбаков пишет: «Былина облекла женитьбу Владимира в более приличную форму брака киевского князя на дочери соседнего короля; князь не едет сам по невесту, а ждёт, когда её привезут, хотя бы силой» (Рыб. С. 87).

Кровавые события, связанные с бандитским поведением Владимира и его дяди в Полоцке, с лёгкостью необыкновенной притянуты Б. А. Рыбаковым за уши к былинной женитьбе киевского князя. С лёгкостью необыкновенной наш знаменитый историк превращает здесь чёрное в белое.

Сказители пели былины, имеющие более или менее подобные сюжеты, на протяжении многих столетий. В уже имеющиеся сюжеты они не могли не привносить те или иные новые эпизоды и даже новые имена для одних и тех же героев (Волх Всеславьевич – Вольга Святославгович или Ярославьевич, или Буславьевич и т. д.; Авдотья Леховидьевна – Марья Лебедь белая и т. д.). В некоторых случаях один герой подменялся другим (как, например, Дунай Иванович – Добрыней Никитичем или Михайлой Потоком в былинах о сватовстве младшей дочери литовского короля для киевского князя Владимира).

Святогора, Дуная и Потока обычно относят к числу наиболее древних героев русского эпоса. В первоначальном виде былины о них до нашего времени не дошли. Мы располагаем лишь теми, которые были записаны в более поздние времена. В записанных былинах Святогор, Дунай и Поток встречаются с Ильёй Муромцем. Но образ последнего стал создаваться в былинах, по мнению В. П. Аникина, намного позже, чем образы первых.

Первые былины об Илье стали появляться позднее, чем первые былины о Добрыне. Между тем Илья в былинах всегда старше Добрыни. В былинах киевского цикла, за исключением былины «Исцеление Ильи Муромца», он везде старше и других богатырей. Он – старый казак или старый атаман.

Точное приурочивание той или иной былины к определённому периоду в истории былинного сочинительства не представляется возможным. Но это не означает, что мы должны вообще отказаться от периодизации этой истории. Эта периодизация приблизительна и относительна, но она всё-таки даёт некоторые хронологические ориентиры в истории былин. В этой книге я принимаю за основу те её хронологические ориен тиры, которые дал в своих работах В. П. Аникин.

Первые былины появились в глубокой древности – до IX в. Этот, первый, период былинного сочинительства В. П. Аникин называет *мифологическим*. Второй период он определяет как *киевский* (он длился приблизительно 350 лет – с IX в. до середины XII), третий – как *владимиро-суздальский* (он длился приблизительно 150 лет – с середины XII до конца XIII в.) и четвёртый – как *областной* (он длился более 300 лет – с XIV в. по начало XVII).

1.2.1. Мифологический период

Древние славяне были язычниками. Они обожествляли важнейшие продукты природы и культуры.

Восточнославянский божественный пантеон не был таким многочисленным, как греческий или индийский. В подчинении у Перуна – бога грома и молнии и верховного бога – были такие боги, как Стрибог – бог ветра, Сварог, Сварожич, Дажьбог и Хорс – солнечные боги, Велес – «скотий» бог, Мокошь – богиня любви и рукоделия, Лада и Лель – богини плодородия и некоторые др. (см. раздел «Мифологическая картина мира у славян» в кн.: *Даниленко В. П.* Картина мира в пословицах русского народа. СПб.: Алетейя, 2017. С. 31–41).

Сказания о богах называют мифами. Мифы Древней Греции дошли до нас в памятниках письменности (в первую очередь – в гомеровских поэмах). Мифы восточных славян были лишены такой возможности. В какой-то мере они сохранялись в народной памяти, однако на протяжении многих столетий их искореняла у нас православная церковь, поскольку видела в

них языческую ересь. Вот почему мы лишены того мифологического богатства, которое сохранилось у греков, а также у индийцев и китайцев. Вот почему нам трудно судить, в частности, о мифологических корнях восточнославянских былин. Мы можем лишь предполагать, что первые герои наших былин имели языческое происхождение.

В. П. Аникин обнаружил мифологические корни языческих верований в былинах о Святогоре, Волхе, Дунае и Потоке.

Святогор

По своему размеру Святогор превосходит всех русских богатырей. От его непомерной тяжести

Мать сыра земля колыбается,
Тёмны лесушки шатаются,
Реки из крутых берегов выливаются.

О. Ф. Миллер ещё в XIX в. предположил, что Святогор был мифическим олицетворением исполинских туч. Другое предположение в наше время сделал В. П. Аникин. Он писал: «В облике Святогора могли отразиться представления о горных великанах. Обнажённые земные породы, разрушенные и отточенные водой и ветром, нередко образовывали формы и фигуры, напоминавшие исполинов. Воображение народа наделяло бездушные камни жизнью» (Ан. С. 307).

Из этих слов можно сделать предположение о том, что Святогор в славянской мифологии был обожествлением не исполинских туч, а горных скал. Однако в дальнейшем мифологические корни образа Святогора были утрачены. Он стал восприниматься как самый великий русский богатырь.

Святогор – богатырь-одиночка. Он вынужден быть отшельником, поскольку земля его не носит. Вот почему он может жить только в горах. Вот почему он не может служить Русской земле:

Не ездил он на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля.

С горечью Святогор говорит о себе:

Я бы ездил тут на матушку сыру землю, –
Не носит меня мать сыра земля,
Мне не придано тут ездить на святую Русь,
Мне позволено тут ездить по горам да по высокиим,
Да по щелейкам да толстыим.

Волх Всеславьевич

Уже в детстве Волх освоил хитрую науку – науку оборотничества. Этой наукой в мифах владеют боги.

Чтобы накормить и одеть своих дружинников, Волх оборачивается то серым волком, то ясным соколом, то щукой. Благодаря своим чудодейственным способностям в немыслимых

размерах он ловит зверей, птиц и рыб. Но главное в Волхе – не его богатырская сила, а его чудодейственные способности. Он – богатырь-оборотень.

Чтобы преодолеть неприступные стены индейского царства, Волх превращает семь тысяч своих дружинников в мурашиков. Перебравшись через стены, они снова оборачиваются добрыми молодцами. Их поведение в Индейском царстве выглядит варварским. Вот с каким призывом Волх обращается к своим воинам:

Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старого, малого,
Не оставьте в царстве на семена,
Оставьте только вы по выбору,
Ни много ни мало – семь тысячей
Душечки красны девицы.

Душечек красных девиц дружинники Волха не тронули для того, чтобы на них жениться. Сам Волх жестоко расправляется с индейским царём, занимает его место и берёт себе в жёны его молодую красавицу жену:

Ухватя его, ударил о кирпищатый пол,
Расшиб его в крохи г…
И тут Волх сам царём насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А молоду Елену Александровну.

В былине о Волхе есть упоминание о Киеве, но это упоминание имеет более позднее происхождение – не мифологическое, а киевское. Оно не может облагородить исконного Волха. Мы видим в нём по существу не защитника Киевской Руси, а завоевателя-хищника.

«В описании похода Волха, – читаем у В. Я. Проппа, – мы видим остатки тех варварских времён, когда совершались жестокие набеги одних племён на другие. Щадят только молодых женщин. Сам Волх расправляется с индейским царём Салтыком Ставрульевичем и берёт за себя его молодую жену, а дружину он женит на девушках. Завоевателям достаётся богатая добыча, и песня кончается грандиозной картиной дележа этой добычи: Волх делается индейским царём и выкатывает для дружины золото и серебро; он наделяет дружину целыми табунами коров и коней, так что на каждого из дружинников приходится по сто тысяч голов. Если до сих пор мы видели охотничий характер дружины, то теперь имеем набег в целях добычи скота. О защите Киева уже нет и помину. Сам Волх в Киев не возвращается и остаётся здесь царствовать, и дружина, переженившись, также остаётся в Индии» (Пр. С. 71).

Вопрос об отнесении былин о Дунае и Потоке к мифологическому периоду вызывает сомнение. По мнению В. Я. Проппа, их следует относить к киевскому циклу былин. По поводу былины о Дунае он, в частности, писал: «Она уже не только внешне, но и внутренне прикреплена к киевскому циклу, что придаёт всей песне замечательную идейную глубину. Исторический фон в ней очень ясен и конкретен. Киев в ней – исторический Киев, причём уже в его международном значении» (Пр. С. 128).

Менее категорично автор этих слов относил к киевскому периоду былину о Михайле Потоке. Он писал об этой былине: «Государство, отражённое в ней, – Киевская Русь… Сюжет её сложился до Киева, но в Киевской Руси принял совершенно новую форму, в основном, можно думать, ту, в которой былина дошла до нас» (там же. С. 105).

1.2.2. Киевский период

В большинстве наших былин Киев выступает как центр единого Древнерусского государства. Одни историки считают его основателем Рюрика, а другие – Олега Вещего.

Вот как Нестор – автор «Повести временных лет» (XII в.) – описывает появление Рюрика у восточных славян: «В лето 6370 (862). Изгнали варягов за море и не дали им дани, и начали сами собой владеть. И не было среди них правды, и встал род на род, и были меж ними усобицы, и начали воевать сами с собой. И сказали они себе: “Поищем себе князя, который владел бы нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются свен (шведы), а иные же норманы и англы, а ещё иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой – Синеус – на Белоозере, а третий – Трувор – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне» (Размышления о России и русских. Штрихи к истории русского национального характера. Вып. I. Сост. С. К. Иванов. М., 1994. С. 31–32).

Через два года Синеус и Трувор умерли. Рюрик один решал, кому быть князем в Полоцке, где жили кривичи, кому – в Ростове, где жили меря, и т. д. На киевский престол он посадил Аскольда и Дира.

У В. О. Ключевского читаем: «Водворившись в Новгороде, Рюрик скоро возбудил против себя недовольство в туземцах. В одном своде написано, что через два года по призвании новгородцы оскорбились, говоря: “быть нам рабами и много зла пострадать от Рюрика и земляков его”. Составился даже какой-то заговор. Рюрик убил вождя этого заговора, “храбраго Вадима”, и перебил много новгородцев, его соумышленников (*Ключевский В. О.* Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 24).

После смерти Рюрика в 879 г. в Новгороде стал княжить Олег. В 882 г. со своими воинами, среди которых были не только варяги, но и восточные славяне, он завоевал Смоленск и Любич, а затем – Киев.

Своим соплеменникам Аскольду и Диру Олег передал: «Купцы мы, едем в греки от Олега и от Игоря княжича (малолетнего сына Рюрика. – *В. Д.*), да приходите к роду своему и к нам» (Википедия. Олег Вещий).

«Когда Аскольд и Дир вышли из города, Олег объявил им: “Вы нѣста кнаꙗ ни роду кнаꙗжа – но азъ єсмь роду кнаꙗжа” (“Вы не князья и не княжего роду, а я княжего роду”) и предъявил наследника Рюрика, малолетнего Игоря, после чего Аскольд и Дир были убиты» (там же).

Первые киевские Рюриковичи выстраиваются в такую цепочку:

Олег (882–912) – Игорь (912–945) – Святослав (945–972) – Ярополк (972–978) – Владимир (978–1015).

Вот как В. О. Ключевский объясняет образование Киевского княжества (государства): «Из соединения местных варяжских княжеств и сохранивших самостоятельность городовых областей образовалось *великое княжество Киевское.* Образование этого княжества было подготовлено указанными выше экономическими и политическими фактами. На каких бы пунктах русского промышленного мира ни появлялись варяжские князья, их постоянно тянуло к городу на южной окраине этого мира, замыкавшему цепь русских городов по речной линии Днепра – Волхова, – к Киеву. Здесь заморские искатели выгодного найма и торгового барыша могли поживиться всего более. Киев был сборным пунктом русской торговли; к нему стекались торговыя лодки отовсюду, с Волхова, Западной Двины, верхнего Днепра и его притоков. Кто

владел Киевом, тот держал в своих руках ключ от главных ворот русской торговли. Вот почему всех варяжских князей, появлявшихся на севере, тянуло к Киеву. Из-за него они соперничали друг с другом и истребляли один другого. Так, новгородский князь Олег за Киев погубил земляков своих Аскольда и Дира; так и другой новгородский князь Владимир за тот же Киев погубил своего родного брата Ярополка» (*Ключевский В. О.* Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 24–25).

Вот как Владимир Красное Солнышко в 978 г. погубил Ярополка: «С большим варяжским войском и новгородской дружиной Владимир осадил Киев, где запёрся Ярополк. По версии летописи, воевода Ярополка Блуд, подкупленный Владимиром, заставил Ярополка бежать в маленький городок Родень, запугав мятежом киевлян. В Родне Владимир заманил Ярополка на переговоры и приказал двум варягам поднять “его мечами под пазухи”. Беременную жену Ярополка, бывшую греческую монахиню, Владимир взял в наложницы» (Википедия. Владимир Святославич).

Владимир правил Киевским государством 37 лет. Своё имя он прославил, во-первых, тем, что в 988 г. крестил Русь, а во-вторых, тем, что, благодаря своим многочисленным военным походам, укрепил независимость и единство Киевской Руси.

В 1015 г. Владимир умер. На его место на четыре года водворился его сын Святополк (1015–1019). Он получил прозвище *Окаянный*. Если его отец, чтобы стать великим князем в Киеве, убил только одного брата, то Святополк уничтожил сразу трёх братьев – Бориса, Глеба и Святослава.

Но у Владимира был ещё один сын – Ярослав, получивший от церкви лестное имя *Мудрый*. Он выдворил Святополка Окаян ного из Киева и был великим киевским князем с 1019 г. по 1054. 35 лет! Лишь на два года меньше, чем его отец. Почему же имя Ярослава Мудрого даже не упоминается в былинах? Вот как на этот вопрос ответил Б. А. Рыбаков:

«Он расправился с новгородским посадником, сыном Добрыни, казнив его, и засадил в подземелье последнего из своих родных братьев – Судислава. Неудивительно, что народ совершенно обошёл молчанием своеобразную фигуру хромоногого, трусливого, но властолюбивого князя, опирающегося на наёмное войско и готовившего народу суровые статьи княжеского закона. Имени Ярослава нет в былинах» (Рыб. С. 104).

После смерти Ярослава Мудрого борьба за киевский престол развернулась между его сыновьями – Изяславом, Святославом и Всеволодом. Победил Изяслав (1054–1073 и 1077–1078). Его сменил Всеволод (1078–1093).

Государственное единство Киевской Руси продолжало сохраняться при сыне Всеволода – Владимире Мономахе (1113-1125) и его сыновьях – Мстиславе (1125–1132) и Ярополке (1132–1139). Но к середине XII в. Киевская Русь распалась на 15 отдельных государств-княжеств.

Киевская Русь, как более или менее единое государство, к середине XII в. исчезло, но оно возродилось в былинах. Правит былинным Киевом только один князь – Владимир Красное Солнышко. Почему именно ему одному досталась эта роль? Эту роль приписали ему былинные сказители. Больше, чем другие князья, он слился в их сознании с единой Русью. Они мечтали об её возрождении.

В русских былинах, вместе с тем, образ князя Владимира далёк от идеализации. Нет ни одной былины, где бы был изображён его бой с врагами. Несмотря на то, что он принимает участие в событиях, изображённых в былинах киевского цикла, его роль в них выглядит весьма скромно. Он находится в тени своих богатырей. Его отношения с ними далеки от идиллических. Но ему принадлежит первопрестольная власть в Киеве. Вот почему в служении Владимиру киевские богатыри видели единственную возможность служить Русскому государству.

Дунай Иванович

Попасть в когорту русских богатырей очень трудно. Былины о Дунае Ивановиче показывают: для того, чтобы стать подлинным богатырём, одной богатырской силы далеко недостаточно, необходимо обладать богатырским духом.

Среди киевских богатырей Дунай держится особняком. В защите русского государства он никакого участия не принимает. Никаких подвигов не совершает. Уже поэтому его путь к киевским богатырям оказывается под сомнением.

Обстоятельства как будто благоприятствуют Дунаю. Владимир отправляет его к его бывшему хозяину – литовскому королю – просить для киевского князя руки его младшей дочери Апраксии (Евпраксии, Опраксии, Опраксы). Над головой Дуная зажглась счастливая звёздочка. Он с рвением приступил к выполнению княжеского поручения.

Литовский князь встретил Дуная гостеприимно:

Жил ты у меня три году;
Первый год жил ты во конюхах,
А другой год жил ты во чашниках,
А третий год жил ты во стольниках,
Верой служил, верой-правдою.
За твои услуги молодецкие
Посажу тебя за больший стол,
За больший стол, в большо местó;
Ешь, молодец, досыта,
И пей, молодец, долюби.

Настроение литовского короля мгновенно переменилось, как только он услышал от Дуная о предложении киевского князя. Король был возмущён тем, что Владимир просит руки младшей дочери – Апраксии, а не старшей – Настасьи. Настал звёздный час Дуная:

Выставал Дунай на резвы ноги,
И здымал рученьки выше своей буйной головы,
И опирается на рученьки о дубовый стол:
Столы дубовые раскряталися,
Питья на столах проливалися,
Вся посуда рассыпалася,
Все татаровья испужалися.

Испугался и литовский король. Сватовство в конце концов оказалось удачным. Апраксия оказалась в Киеве. Но в Киев Дунай привёз и свою невесту – Настасью, с которой он был в любовных отношениях ещё в те годы, когда служил у её отца. Происходит двойная свадьба – Владимира и Дуная. Всё прекрасно! Однако радоваться Дунаю пришлось недолго. Его подвело хвастовство. На пиру у Владимира он расхвастался:

Нет меня лучше молодца во всём Киеве!
Ай никто не смел ехать посвататься
Да и за славного князя за Владимира
На Опраксии королевичной.
Сам я женился и людей женил,

Сам я боец и удалой молодец.

Не богатырское это дело – хвастаться. «Такая похвальба, – читаем у В. Я. Проппа, – показывает, что Дунай, несмотря на удачу своего предприятия, не переродился в подлинного героя, которому было бы место среди киевских богатырей» (Пр. С. 145).

Хвастовство погубило Дуная. Он стал хвастаться своей меткостью в стрельбе из лука. Дело кончилось тем, что он сначала убил свою жену, а потом и себя. Вот каким был эпилог:

Где пала Дунаева головушка,
Протекала речка Дунай-река,
А где пала Настасьина головушка,
Протекала речка Настасья-река.

Михайло Поток

На пути к богатырству Михайло Дунаевич Поток (Михайло Иванович Потык) ушёл значительно дальше Дуная. Он храбр. Его любят киевские богатыри. Он исправно исполняет поручения Владимира. Но всё это рушится после встречи с белой лебедью, которая оказалась красной девицей по имени Авдотья Леховидьевна (Марья Лебедь белая). В одно мгновение Поток теряет голову от страсти к ней. Без всяких раздумий он на ней женится и живёт с нею, как во сне, полтора года. Но случилось горе:

А у Потока Михайла Дунаевича
С молодой женой Авдотьей Леховидьевной
Немного житья было – полтора года.
Захворала Авдотьюшка Леховидьевна,
С вечера она расхворалася,
Ко полуночи разболелася,
Ко утру и преставилась.

Вместе со своим конём и сбруею ратною Поток опускается в могилу своей жены и оживляет её с помощью живой воды. Между тем Авдотья Леховидьевна оказалась ведьмой. Она приколдовала Потока. С её чарами он справиться был не в состоянии. Этого достаточно, чтобы исключить Потока из числа подлинных киевских богатырей.

Злая жена-колдунья превращает Потока в камень. Его обращает в человека Микула Селянинович. Но даже и после этого он не в состоянии справиться с колдовскими чарами. Обратившись человеком, перво-наперво он вспоминает о своей искусительнице:

И не спрашивал ни про Киев-град,
Ни про князей-бояр, про богатырей,
– Ай же, братья мои названые!
А где моя богатырска молода жена?

Пропала богатырская головушка! «Богатырь, побеждённый любовным порывом, – подытоживает В. Я. Пропп, – в эпосе не может изображаться как герой в собственном смысле этого слова» (Пр. С. 118).

В поздних былинах Михайла Поток чудесным образом возрождается. В плеяде киевских богатырей он становится её равноправным членом.

Добрыня Никитич

Ни в Святогоре, ни в Волхе, ни в Дунае, ни в Потоке мы ещё не обнаруживаем подлинных богатырей. Они ещё не обладают необходимыми качествами настоящих русских богатырей, главное из которых – быть героическим защитником Русского государства. Первым подлинным русским богатырём становится Добрыня Никитич (Микитинец) – главный герой киевского периода в древнерусском былинном творчестве. Среди всех киевских богатырей он больше всех приблизился в этот период к идеалу русского богатыря. В следующий, владимиро-суздальский, период ему на смену придёт Илья Муромец.

В летописях описывается исторический Добрыня – дядя киевского князя Владимира, его воспитатель и первый советник. В «Википедии» читаем: «Владимир захватил перешедший на сторону Киева Полоцк, перебив семью правителя города князя Рогволода, причём по совету своего дяди Добрыни Владимир сначала изнасиловал Рогнеду на глазах её родителей, а затем убил её отца и двух братьев. Княжну Рогнеду, просватанную прежде за Ярополка (родного брата Владимира. – *В. Д.*), он насильно взял в жёны. Именно отказ Рогнеды на сватовство Владимира и вызвал его месть: княжна считала недопустимым выйти замуж за сына наложницы, коим был Владимир (он был сыном князя Святослава и его рабыни Малуши. – *В. Д.*). Её слова “не хочу розути робичича” (“не хочу разувать раба”) согласно славянскому обычаю разувания супруга сильно унизили Владимира и Добрыню, так как намекали на статус матери Владимира (сестры Добрыни)».

Летописный Добрыня был активным сподвижником киевского князя. До нашего времени сохранилась пословица о том, как по приказу Владимира вместе с Путятой он крестил новгородцев: *Путята крестил их мечом, а Добрыня – огнём.* Эта пословица свидетельствует о том, что христианизация Киевской Руси осуществлялась насильственно. Народ ей оказывал сопротивление. Приходилось применять насилие.

В. Ф. Миллер и Б. А. Рыбаков высказали мнение о том, что летописного Добрыню следует считать прототипом былинного Добрыни. В. Я. Пропп и В. Н. Путилов это мнение отвергли. Вот что по этому поводу писали наши выдающиеся фольклористы:

«Добрыней звали дядю Владимира Святославича. О нём есть известия в летописи; говорится, в частности, что он помогал насаждать христианство. На основании летописных данных некоторые учёные считали исторического Добрыню прототипом былинного героя. Однако для таких сопоставлений нет серьёзных оснований. Совпадение в именах объясняется тем, что в древней Руси имя *Добрыня* было очень распространено (на основании сохранившихся документов можно назвать до семидесяти человек, носивших это имя). Добрыня-богатырь – не историческое лицо, а образ, созданный народной фантазией» (ПП. С. 34).

В былине «Добрыня и Змей» образ Добрыни выглядит не столько былинным, сколько сказочным. Добрыня в ней сражается со Змеем – героем, который со временем целиком переместится в сказки.

Несмотря на запрет матери, Добрыня решил искупаться в Пучай-реке.

Налетела на молодого Добрынюшку
Ай змеинище да то Горынище,
Ай о трёх змеинище о головах,
О двенадцати она о хоботах.

Не удалось Змею победить Добрынюшку. Молодой богатырь победил Змея без оружия, которое осталось на берегу. Он победил его колпаком, который нашёл на крутом береге.

Он берёт-то тот колпак да во белы ручки,
Он со тоей ли досадушки великоей
Да ударил он змеинища Горынища.
Ещё пала-то змея да на сыру землю,
На сыру-то землю пала во ковыль-траву.
Молодой-то Добрынюшка Микитинец
Очень смелый был да оворотистой.

Он ещё и жалостливый был. Сжалился над Змеем и отпустил его живым. Но Змей есть Змей! Недолго думая, он унёс из Киева племянницу князя Владимира Забавушку Путятичну. Прибыл Добрыня в Киев-град. Взмолился киевский князь:

Ты молоденький Добрынюшка Микитинец!
Налагаю тебе служебку великую,
Да й велику служебку немаленьку:
Ай ты съезди-тко во далече во чисто поле,
Ко тым славным ко горам ко сорочинскиим,
Да сходи-тко ты во норы во змеиные,
Отыщи-тко племничку любимую,
А прекрасную Забавушку Путятичну,
Привези-тко ты ю в стольно Киев-град.

Пригорюнился Добрынюшка. Пришёл к матери жаловаться. Та его успокоила: «Утро мудреннее живёт вечера». Мать худого не скажет. Так оно и оказалось! Добрался Добрыня на следующий день до змеиных нор и освободил прекрасную Забаву Путятичну.

Стал Добрыня служить киевскому князю верой и правдою. Он стал богатырём не только по силе тела, но и по силе духа.

1.2.3. Владимиро-суздальский период

Данный период в истории былинного сочинительства на Руси, по В. П. Аникину, охватывает время с середины XII в. до конца XIII. Это было страшное время – время удельной раздробленности Древней Руси, по существу утратившей своё государственное единство, и начала татаро-монгольского ига.

Во второй половине XII в. Киевское княжество уступает своё верховенство на Руси Суздальскому княжеству, во главе которого долгое время был сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий (1090 гг. – 1157). Его считают основателем Москвы (1147).

В 1157 г. Андрей Боголюбский (1111–1174), сын Юрия Долгорукого и половецкой княжны, перенёс столицу своих владений, унаследованных от отца, из Суздаля во Владимир. Он был первым великим князем всей Руси, отказавшимся жить в Киеве, который был им покорён в 1169 г.

В. О. Ключевский писал: «До сих пор звание старшего князя нераздельно соединено было с обладанием старшим киевским столом. Князь, признанный старшим среди родичей, обыкновенно садился в Киеве; князь, сидевший в Киеве, обыкновенно признавался старшим среди родичей. Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской земли, он не покинул своей Суздальской области и не поехал в Киев сесть на стол отца и деда» (*Ключевский В. О*. Краткое пособие по русской истории. М., 1992. С. 55).

Возвышение Владимиро-Суздальского княжества продолжилось при младшем брате Андрея Боголюбского Всеволоде Большое Гнездо (1154–1212). Прозвище *Большое Гнездо* он

получил за большое потомство: у него было 12 детей. О его могуществе писал автор «Слова о полку Игореве». Он обращается к нему с такими словами: «Великий князь Всеволод! Не мыслию лишь тебе б прилететь издалека отчий престол поблюсти! Ты ведь можешь Волгу вёслами расплескать, а Дон шлемами вычерпать!» (*Фёдорова М. Е., Сумникова Т. А.* Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1994. С. 61).

Этот призыв – свидетельство первого бедствия, пришедшего на Русь, – её государственной раздробленности. Вторым бедствием стало нашествие на неё в 1237–1240 гг. монгольских полчищ во главе с Батыем. Это нашествие – начало татаро-монгольского ига, которое продолжалось почти 250 лет. В самом его начале был опустошён Киев. Он был захвачен монголами во второй половине 1240 г.

В период удельной раздробленности русские люди мечтали о возрождении единого государства. Их мечты нашли отражение в былинах. В качестве образца единого государства русский народ в это время воспринимал Киевскую Русь, какой она была во времена правления князя Владимира.

В. Я. Пропп писал: «В печальную эпоху феодальной раздробленности эпический Киев служил знаменем единства, к которому стремился народ. Это объясняет нам многие особенности былин. Становится понятным, почему герои самых различных областей тяготеют к Киеву, хотя ни один из основных киевских богатырей не родился в Киеве» (Пр. С. 61).

Большая часть наших былин входит в киевский цикл. Их объединяет бывшая столица древнерусского государства – Киев. Но эти былины направлены не в прошлое, а в будущее. У В. Я. Проппа читаем: «Эпос киевской эпохи отражает не *события* той эпохи, но прежде всего *идеалы и стремления* народных масс той эпохи. Народ, возвеличивая киевскую эпоху, стремился не к реставрации Киевской Руси, а смотрел вперёд, стремился к единству, которое Киевская Русь начала осуществлять, но не довела до конца» (там же).

Былинные сказители идеализировали Киевскую Русь, какой она была при Владимире. Они восхваляли её могущество. Б. А. Рыбаков писал: «Величественные и торжественные напевы русских былин донесли до наших дней живой песенный сказ о могуществе Руси при Владимире Святославиче, о степных богатырских заставах, о трудных битвах с кочевыми ордами» (Рыб. С. 51).

В былинах, которые стали создаваться во владимиро-суздальский период, новые богатыри встречаются в Киеве со старыми – Святогором, Волхом (Вольгой), Дунаем, Потоком, Добрыней и др. Самыми известными богатырями этого периода стали Илья Муромец и Алёша Попович.

Илья Муромец

Самым плодотворным периодом в былинном сочинительстве Б. А. Рыбаков считал конец X в. К этому периоду он относил появление в былинах образа Ильи Муромца. Но он не указывал на конкретное лицо, которое могло бы восприниматься как его прототип. Он лишь предполагал, что образ богатыря из простого народа имеет историческую основу.

Б. А. Рыбаков писал: «Историческую основу образа Ильи Муромца и первичных былин его цикла мы должны искать в русской действительности времени Владимира, когда князь, нуждающийся в воинах и боярах, переселял с севера тысячи людей, а победителей в важных поединках делал из простых ремесленников “великими мужами”, т. е. боярами. Если об этом писали с чувством княжеские летописцы, то сам народ должен был ещё с большим чувством петь об этих героях» (Рыб. С. 99).

Если Б. А. Рыбаков считал XII–XIII вв. временем угасания былинного жанра, то В. П. Аникин, напротив, расценивал это время как расцвет былинного творчества. Его главное достижение, по его мнению, – былинный цикл об Илье Муромце (Ан. С. 305).

Илье Муромцу по праву принадлежит центральное место среди русских богатырей. Его старшинство признаётся всеми богатырями. О нём создано былин намного больше, чем о любом другом русском богатыре. Это не случайно. Если Добрыня – знатного происхождения, а Алёша – духовного, то Илья – крестьянского.

К народу Илья был ближе других богатырей. В былинах о нём лучше всего выражена народная точка зрения на русского богатыря. Вот почему именно Илью сказители рисуют не только борцом с внешними врагами (всех их в былинах чаще всего называют *татарами*), но и с внутренними. Он способен взбунтоваться против самого киевского князя Владимира.

В. Я. Пропп писал: «Образ Ильи – наиболее зрелое и наиболее совершенное создание русского эпоса… Только могучий народ в одну из решающих эпох своей истории мог создать этот монументальный и величественный, но вместе с тем простой в своей человечности образ национального героя. Основная черта Ильи – беззаветная, не знающая пределов любовь к родине. Этим определяются и все его остальные качества. У него нет никакой “личной” жизни вне того служения, которому он себя всецело посвятил: вне служения Киеву и Руси» (Пр. С. 215).

О том, какие качества Ильи определяются его основной чертой – любовью к родине, написали В. В. Иванов и В. Н. Топоров: «В нём подчёркивается сила, мужество, верность, надёжность, трезвость, мудрость, опытность, справедливость, конструктивность многих его действий и даже известное миролюбие. Основной эпитет Ильи Муромца в былинах “старый”, “старой” (изображение седобородым стариком, едущим по полю на белом коне) подчёркивает сочетание уверенной силы, нравственного опыта, житейской мудрости» (Славянская мифология. Под ред. В. Я. Петрухина, Т. А. Агапкиной и др. М., 1995. С. 207).

У Ильи Муромца удивительная биография. В былине «Исцеление Ильи Муромца» читаем:

В славном городе во Муромле,
Во селе было Карачарове,
Сиднем сидел Илья Муромец, крестьянский сын,
Сиднем сидел цело тридцать лет.
Уходил государь его батюшка
Со родителем со матушкою
На работушку на крестьянскую.
Как приходили две калики перехожие
Под тое окошечко косявчето.
Говорят калики таковы слова:
«Ай же ты Илья Муромец, крестьянский сын!».

Эти калики перехожие (т. е. странники) чудесным образом поставили Илью Муромца на ноги и тем самым подарили русскому народу великого защитника Земли Русской. Подобно греческому Гераклу, он совершил множество подвигов. Выделю здесь только три:

1. *Победа над Соловьём-разбойником*. По дороге в Киев Илья видит страшное чудовище:

На дороге Соловейко-разбойничек
Сидит на тридевяти дубах.
Сидит тридцать лет.
Бьёт он свистом соловьиным,
Покриком своим звериным.

Расправился Илья с чудовищем. Выпустил в неё стрелку из лука:

Попала стрелка Соловью во правый глаз,
Вылетела стрелка во левое ухо.

2. *Победа над Идолищем поганым*. С этим страшилищем Илья встретился в Царьграде:

Расселилось Идолище поганое,
Поганое Идолище, проклятое.
В долину Идолище пяти сажен.
Промежду плечей Идолище коса сажень,
Головина его, как пивной котёл,
Глаза у него, как чаши питейные,
Носище, как палка дровокольная.

Илья прикончил это чудо-юдо – греческой шапкой, символизирующей византийское православие.

3. *Победа над Калиным*. Пригрозил татарский царь Калин Владимиру, что уничтожит Киев, если тот не сдаст его без бою. Расплакался Владимир! Было отчего плакать: всех богатырей он разогнал, а оставил возле себя одних дармоедов-бояр. Слава богу, жёнушка Апраксия выручила. Она ему сказала, что в погребе сидит Илья Муромец, куда он попал по приказу Владимира три года назад за своё дерзкое поведение с князем, а она его тайком от него кормила. Повинился Владимир перед богатырём. Расправился Илья с Калином.

Илья – подлинный народный герой. О таком герое мечтал русский народ. Он служит по существу не Владимиру, а Киевской Руси. Он защищает не Владимира с его свитой, а Русь с её народом. Вот почему его отношения с Владимиром были, мягко выражаясь, натянутыми.

В некоторых вариантах былины «Ссора Ильи Муромца с Владимиром» (А. М. Горький предложил более точное название для этой былины – «Бунт Ильи Муромца против Владимира») Илья в пылу гнева даже грозится убить Владимира, чтобы самому стать первопрестольным киевским князем.

Алёша Попович

Алёшу Поповича, по мнению Б. А. Рыбакова, «следует отождествить с Ольбегом Ратиборичем, дружинником Владимира Мономаха» (Рыб. С. 150).

Вот как историк объясняет смену имени Ольбега на Алёшу: «Смена имени Ольбега на Олёшу произошла позднее, под влиянием песен о ростовском “храбре” Алёше (Александре) Поповиче 1216–1220 гг… Отец Ольбега – известный боярин Ратибор, служивший ещё в 1079 г. великому князю Всеволоду, отцу Мономаха. Последний раз он упоминается в 1113 г.: это ему поручил Владимир Мономах переделку “Русской правды” после известного восстания в Киеве» (там же).

В знаменитой троице киевских богатырей Илья Муромец – самый старый, а Алеша Попович – самый молодой, Если Илья – выходец из Мурома, Добрыня – из Рязани, то Алёша – из Ростова. Но каждый из них возвышается над другими богатырями благодаря бою с чудовищем. Илья победил Соловья-разбойника, Добрыня – Змея, а Алёша – Тугарина.

Вот как выглядел Тугарин Змеевич:
В вышину ли он, Тугарин, трёх сажен,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калёна стрела.

Сказочный образ Тугарина дополняется сказочным образом его коня:

Конь под ним – как лютый зверь,
На хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.

Алёша побеждал врага не столько силой, сколько хитростью и ловкостью. Подозвал он чудовище поближе.

Хлестнул его шелепугою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сыру землю.

У каждого богатыря свой характер. Илья – суровый и могучий, Добрыня – сдержанный и «вежественный», а Алёша – хитрый и ловкий. Из всех богатырей, вместе с тем, он самый противоречивый. Достоинства в нём совмещаются с недостатками. У В. В. Иванова и В. Н. Топорова читаем:

«Алёша Попович отличает не сила (иногда даже подчёркивается его слабость, указывается его хромота и т. п.), но мужество, удаль, натиск, с одной стороны, и находчивость, сметливость, хитроумие – с другой. Иногда он хитрит и готов идти на обман даже своего названого брата Добрыни Никитича, посягает на его права; он хвастлив, кичлив, излишне лукав и увёртлив; шутки его иногда не только веселы, но и коварны, даже злы; его товарищи – богатыри время от времени высказывают ему своё порицание и осуждение. В целом образ Алёши Поповича отличается определённой противоречивостью и двойственностью» (Славянская мифология. Под ред. В. Я. Петрухина, Т. А. Агапкиной и др. М., 1995. С. 31).

Владимир, решая вопрос о том, кого отправить к Дюку Степановичу в Галич, чтобы проверить несметные богатства его матушки, говорит:

Ежели послать смелого Алёшу Поповича, –
У него глаза завидные – поповские,
Заглядятся у него глаза на именье-богачество,
Не оценит живота (жизни. – *В. Д.*) Дюкова.

Не следует преувеличивать отрицательные качества Алёши Поповича. Он попал в число великих киевских богатырей вовсе не благодаря этим качествам. Выдающимися богатырскими способностями он овладел ещё в юные годы.

Ещё в юности Алёша собрал себе дружину и отправился в Киев-град. На пути к нему пришлось сразиться с татарской силой-ратью великою:

И прибили ту силу-рать великую –
Кое сами, кое кони топчут,
И разбежалась рать-сила великая
По тому полю широкому,
По тем кустам ракитовым.

Докатилась весть о победе ростовской дружины под предводительством Алёши Поповича над татарами до Ильи Муромца. Он сразу понял: Алёша Попович – настоящий богатырь. Вот почему он был возмущён тем, что Владимир в честь этой великой победы не устроил пир на

весь мир. Исправили ошибку: поехал к Алёше в Ростов Добрыня Никитич и уговорил будущего соратника приехать в Киев. Устроил киевский князь в честь Алёши великий пир.

Сдружились три богатыря – Илья, Добрыня и Алёша. У каждого из них множество заслуг перед Русью. В былине «Алёша Попович убивает татарина» изображена битва молодого богатыря с грозным врагом – татарином. Ударился с ним Алёша в честном бою:

Они съехались с татарином, ударились,
Ещё друг друга до-болька не ранили.
Ещё съехались они да во второй же раз;
Победил-то тут Алешенька Попович млад.
Как упал-то тут татарин на сыру землю, –
Не доехал же до города до Киева.

Были у Алёши и прегрешения. Так, в маленькой былине «Алёша Попович хвастает» он похваляется своими удачами, что у богатырей не принято (похвальба – грубое нарушение неписанного богатырского морального кодекса), а в былине «Добрыня в отъезде и неудавшаяся женитьба Алёши» рассказывается о том, как он обманул Настасью Никуличну – жену Добрыни. Он солгал ей, что её муж погиб, чтобы жениться на ней. Уж очень она ему приглянулась! Дело дошло до свадьбы. Прискакал Добрыня в Киев:

Ухватил Алёшку за жёлты кудри,
Выдернул Алёшку чрез дубовый стол,
Бросил Алёшку о кирпичен мост,
Повыдернет шалыгу подорожную,
Учал шалыжищем (дубиной. – *В. Д.*) ухаживать.

Проучил Добрыня Алёшку. Со временем вернулась к ним и былая дружба. По-прежнему стали стоять друг за дружку великие киевские богатыри – Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович.

Алёша обладал свойствами, которых не было у его старших крестовых братцев. Об этом прекрасно написал патриарх нашей фольклористики – Владимир Прокопьевич Аникин:

«Алёша Попович обладает особыми “эпохиальными” свойствами, которых в пору независимости Руси не имели ни Добрыня, ни Илья. Алёша ничего предосудительного не видит в обмане врага, но и он ревниво бережёт честь стольного князя, между тем как сам Владимир смиренно терпит позор. Не располагая силами для победы, богатырь полагается на хитрость и изворотливость. Таков Алёша-богатырь эпоса эпохи ордынского ига» (Ан. С. 331).

1.2.4. Областной период

К середине XII в. Киев утратил своё центральное положение в Древнерусском государстве. Несмотря на былую славу, он превратился в одно из многих древнерусских княжеств. Отношение к нему со стороны других удельных княжеств довольно резко изменилось. В какой-то мере это сказалось и на былинном творчестве. Со временем появляется областной эпос, герои которого в какой-то степени начинают противопоставляться киевским. В особенности это касается былин о Дюке Степановиче, образ которого связан с Галицко-Волынской землёй. В свою очередь с Новгородской землёй связан образ Василия Буслаевича.

Дюк Степанович

Волынский князь Роман Мстиславич Осмомысл в конце XII в. объединил своё княжество с Галицким. Образовалась Галицко-Волынская земля. Она обособилась от Киева. Противостояние Киеву было весьма успешным. В 1203 г. князь Роман даже на время захватил Киев и провозгласил себя великим князем, несмотря на противодействие со стороны владимиро-суздальского князя Всеволода.

Былина «Дюк Степанович» воспевает богатства Галицко-Волынской земли и её главного героя – Дюка Степановича. Его называют в былинах то княженецким сыном, то боярским. Его обуяло желание съездить в Киев.

Дюку удаётся преодолеть все опасности, которые он встречает на пути в Киев – в том числе он удачно проскакал мимо Змеища-Горынчища о двенадцати хоботах. Но его самой главной удачей стала встреча с Ильёй Муромцем. Киевскому богатырю настолько полюбился галицкий молодец, что он объявил его крестовым братцем. Поехали два братца в Киев-град вместе.

В былине «Дюк в Киеве» молодой галицкий княжич встречается с Владимиром. Между ними завязывается диалог: Владимир спрашивает, Дюк отвечает. В ответах галицкого княжича вся суть былины. В этих ответах он восхваляет богатство своей матушки. Вот, например, один из его ответов:

Как у нас-то во городе во Галиче,
У честной вдовы Матрёны Тимофеевны,
На дворе стоят столбы все серебряные,
Продёрнуты кольца позолоченные,
Разоставлена сыта медвяная,
Насыпано пшено белоярово,
Есть что добрым коням пить и кушати,
А у тебя, Владимир, того не случилося.

Отправил князь Добрыню Никитича в Галич, чтобы проверить, правду говорит Дюк или неправду. Оказалось: правду. Богатства у матушки Дюка Добрыня обнаружил сказочные:

Вела ко первому погребу – к красному золоту,
Приказала золото выкатывать:
Он издержал три телеги ордынские
Бумаги гербовые,
Но не хватило одного погреба описать…

А впереди ещё несколько погребов! Повела Добрыню матушка на широкий двор:

Течёт тут струйка золочёная, –
Тут не могли они сметы дать,
Говорила мужикам она, оценщикам:
«Вы скажите-ка солнышку Владимиру,
Пускай продаст на бумагу весь Киев-град».

Василий Буслаевич

Обособление Новгородской земли от Киева началось ещё в XI в., но полную независимость от Киева она получила в 1136 г. В этом году новгородский князь Всеволод Мстиславич (старший сын киевского князя Мстислава Владимировича) был изгнан из Новгорода и в нём установилось республиканское правление. Её главным государственным органом стало Новгородское вече.

Новгородская республика просуществовала около 350 лет – до 1478 г. Она представляла собой независимое государство, которое занимало очень большую территорию. Под её властью находились земли от Балтийского моря на западе до Уральских гор на востоке и от Белого моря на севере до верховьев Волги и Западной Двины на юге.

В 1478 г. Новгородская республика была уничтожена московским князем Иваном III. Она была присоединена к Москве. Как символ былого республиканского правления из Новгорода был вывезен вечевой колокол. Но даже и после присоединения к Москве у новгородцев сохранялся бунтарский дух. Чтобы его окончательно уничтожить, Иван Грозный со своими опричниками учинил в 1569 г. дикие зверства над жителями Новгорода.

Стремление к государственной независимости своеобразно отразилось на фольклорном творчестве новгородцев. Оно выдвинуло две главные фигуры – Садко Новгородского и Василия Буслаевича (Васьки Буслаева). В сказке о Садко и былине о Василии Буслаевиче Киев даже не упоминается.

Василий Буслаевич – *новгородский* богатырь. Его образ существенно отличается от образов киевских богатырей.

Мы помним, что Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алёша Попович в начале своего пути к богатырству сражались с чудовищами. Илья расправился с Соловьём-разбойником, Добрыня – со Змеем, а Алёша – с Тугарином. В этих чудовищах легко обнаружить мифические и сказочные черты. Ничего подобного не было у Василия Буслаевича. Его образ намного реалистичнее образов киевских богатырей.

На реалистичность Василия обратил внимание А. М. Горький в письме к К. А. Федину. Он писал: «Васька Буслаев – не выдумка, а одно из величайших и, может быть, самое значительное художественное обобщение в нашем фольклоре» (Пр. С. 427–428).

Главное отличие Василия от киевских богатырей – его бунтарство. Среди былин киевского цикла широкую известность получила былина о бунте Ильи Муромца против князя Владимира. Но этот бунт произошёл только однажды. Бунтарство Василия другого рода. Оно составляет ведущую черту его характера.

Блестящую главу о Василии Буслаевиче написал в своей книге о русском героической эпосе В. Я. Пропп. Он назвал эту главу очень многозначительно: «Поэзия бунта». Тем самым он подчеркнул главное в образе новгородского героя – упоение своим бунтарством.

В. Я. Пропп в своём анализе былины о Василии Буслаевиче опирался на множество вариантов этой былины. Он насчитал 60 опубликованных её вариантов. Это позволило нашему великому фольклористу создать весьма разностороннюю и наиболее точную биографию новгородского бунтаря.

Первый бунт Василия – бунт против своих сверстников – детей богатых новгородцев:

Стал шутить он, пошучивать,
Шутить-то шуточки недобрые,
С боярскими детьми, с княженецкими.
Стал он по городу похаживать,
На княженецкий двор он загуливать,

Стали богатые мужики новгородские жаловаться матери Василия:

А и мужики новгородские,
Посадские, богатые,
Приносили жалобу они великую
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.

Второй бунт Василия – против его воспитателей – матери и его крестного отца – старца, принадлежащего к высшим слоям новгородской церкви. Они учили его грамоте, добру, смирению и церковному пению. Не впрок пошло Василию их учение. Не зная, куда себя деть, чем заняться, к чему приложить безудержную удаль и весёлое озорство, он пустился в разгул:

С весёлыми удалыми добрыми молодцы
Допьяна уже стал напиватися.
А и ходит в городе уродует.

Третий бунт Василия – против новгородской знати. Этот бунт выглядит странным: его отец принадлежал к очень богатым новгородцам. Между тем этот бунт стал для Василия Буслаевича главным. Он побудил его нанять дружину в 30 человек (включая себя самого). Отцовские деньги вполне позволяли это сделать. У самого отца тоже была дружина, но она была нужна ему, чтобы выйти из грязи в князи, а его сыну она понадобилась, чтобы против этих князей бунтовать. По существу он порвал со своим классом – классом богачей.

Василий объявил на всю округу:

Кто хочет пить и есть да из готового,
Валися к Ваське на широкий двор,
Тот пей и ешь готовое
И носи платье разноцветное.

Народу привалило видано-невидано. Кто же у нас на Руси не любит дармовщинки?

И собирались мужики новгородские увалами,
Увалами собиралися, перевалами,
И пошли к Василию на почестен пир.

Легко догадаться, какой народ привалил к Ваське, – голь перекатная по преимуществу. Начал Василий отбирать себе достойных воинов для своей дружины. Два испытания: 1) выпить одним махом полтора ведра вина и 2) выдержать удар дубинкой из вяза:

Кто изопьёт чару зелена вина,
Мерой чару полтора ведра,
Весом чару полтора пуда,
И кто истерпит червлёный вяз,
Тот ступай на почестный пир.

Немного осталось желающих. Испытание прошли самые крепкие. По их фамилиям в какой то мере можно судить о составе буслаевской дружины. Вот некоторые фамилии: Фома

Толстокожевников, Фома Ременников, Котельная Пригарина, Костя Новоторженин, Потанюшка Хроменький, Данилушка Горбатенький и др.

В. П. Пропп подчёркивает: «Для нас важно, что дружина составляется из людей ремесленного труда» (Пр. С. 435). Все они выдержали экзамен. Вот как его сдавал Потанюшко Хроменький:

Идёт-то Потанюшко Хроменький
Ко Василию на широкий двор,
Ко той ко чаре зелена вина.
Брал тую чару одной рукой
И выпил чару за единый дух.
Как выскочит Василий со новых сеней,
Хватал-то Василий червлёный вяз,
Ударит Потанюшку по хромым ногам:
Стоит Потанюшка – не крянется,
На буйной голове кудри не ворохнутся.

С такими дружинниками Ваське сам чёрт не брат! Он почувствовал уверенность в собственной значимости для Новгорода. Но жизнь полна неожиданностей. Новгородская знать продолжает относиться к нему с пренебрежением. В одном из вариантов былины она демонстративно отказывает ему в приглашении на богатый пир. Это его не смущает. Он является на него незваным гостем, подобно тому, как Илья Муромец явился незваным на пир к киевскому князю в былине «Бунт Ильи Муромца против Владимира». Званые гости над ним подтрунивают.

Говорят тут гости званые:
«Ай же ты, Василий Буслаевич!
Хоть ты садишься в большом углу,
Ты есть гость незваный,
А мы гости званые». –
«Хоть я гость незваный,
Куда посадят, там сижу,
А что могу достать своей рукой, ем да пью».

Василий бросает вызов всей новгородской знати. Вызывает её защитников на бой. Он должен произойти на Волховском мосту на следующий день. Чтобы уберечь сына, Амелфа Тимофеевна сажает пьяного Василия в погреб и там его заковывает. Он спит мёртвым сном. Его дружина на следующий день вступает в бой со своими противниками без её предводителя.

Ситуацию спасает девушка-чернавушка – служанка Василия. Она увидела, что буслаевской дружине грозит поражение. Освобождает своего хозяина. Тот хватает ось тележную и разбивает ею своих врагов в пух и прах. Но дело на этом не кончается. В некоторых вариантах былины он врывается в город и начинает уничтожать богатые каменные дома:

И напустился тут Василий на домы на каменные.

Василия пытается угомонить старец Пилигримище – его бывший наставник и крестный отец:

Я грамоте тебя учил,

На добрые дела наставлял.

Но озлоблению Василия нет предела. Он зверски убивает старца тележной осью.

Не следует идеализировать новгородского богатыря. Если киевские богатыри ясно сознают свою цель – защищать Русскую землю, то Василий Буслаевич не имеет ясной цели. Он не знает, чем будет заниматься, если ему удастся победить новгородскую знать. Между тем его былинный образ любим в народе, поскольку он воспринимается как народный заступник.

* * *

Итак, самыми плодотворными в создании былин были два периода – киевский (второй) и, в особенности, владимиро-суздальский (третий). Вместе они длились 500 лет – с IX в. до XIV. Их объединяет Киев с его князем Владимиром во главе. Вот почему былины, созданные в эти периоды, объединяют в киевский (Владимиров) цикл. Мифологический (первый) период был лишь предварительным.

Самыми заметными былинами областного (четвёртого) периода оказались новгородские былины. Но они были немногочисленными. По поводу этого периода у В.П.Аникина читаем: «Последний, *четвёртый*, период в истории былин – это время с XIV по начало XVII в. В эту пору новых былин почти не создавали, имела место творческая обработка прежних применительно к историческим условиям Московской Руси» (Ан. С. 304).

1.3. Жанровое своеобразие былины

Мир, в котором мы живём, существует в единстве и многообразии. Его многообразие заявляет о себе на каждом шагу. Если мы обратим свой взор, например, на живую природу, то увидим в ней множество видов как среди растений, так и среди животных.

Множество видов имеется в любой сфере духовной культуры – религии, науке, искусстве и т. д. В науке о культуре – культурологии – их обычно называют жанрами. Свои жанры имеются, например, в науке – статья, монография, диссертация и т. д. Свои жанры имеются в художественной литературе – рассказ, повесть, роман и т. д. Свои жанры имеются и в фольклоре – устном народном творчестве.

Вопрос о классификации фольклорных жанров относится к числу сложнейших. У разных фольклористов он решается по-своему. Чтобы убедиться в этом, следует обратиться к литературе по фольклористике:

1. *Соколов Ю. М*. Русский фольклор. М., 1941.
2. *Чичеров В. И.* Вопросы теории и истории народного творчества. М., 1959.
3. *Богатырёв П. Г., Гусев В. Е. и др.* Русское народное творчество. М., 1966.
4. Русское народное поэтическое творчество. Под ред. Н. И. Кравцова. М., 1971.
5. Русское народное поэтическое творчество. Под ред. А. М. Новиковой. М., 1978.
6. *Кравцов Н. И., Лазутин С. Г.* Русское устное народное творчество. М., 1983.
7. *Зуева Т. В., Кирдан Б. П.* Русский фольклор. М., 1998.
8. *Круглов Ю. Г.* Русский фольклор. М., 2000.
9. *Аникин В. П.* Русское устное народное творчество. М., 2001.

Рассмотрим здесь подробнее последнюю книгу в этом списке – В. П. Аникина. Все фольклорные жанры её автор поделил на три группы – обрядовые, общемировоззренческие необрядовые и художественные. В число *обрядовых* он включил такие жанры, как трудовые (рабочие) песни, заговоры, календарный и свадебный фольклор и причитания.

В число *общемировоззренческих необрядовых* фольклорных жанров В. П. Аникин включил паремии (пословицы, побасёнки, приметы, поговорки), устную прозу (предания, бывальщины, былички, легенды) и песенный эпос (былины, исторические песни, воинские песни, духовные песни и стихи).

В число художественных фольклорных жанров, наконец, он включил сказки, загадки, балладные песни, лирические песни, колыбельные песни, прибаутки, заклички, приговорки, считалки, дразнилки, песни-романсы, частушки, анекдоты и др.

Сразу следует иметь в виду, что среди всех фольклорных жанров ведущее место принадлежит пословицам, сказкам и былинам. Недаром они стали предметом особых дисциплин по фольклористике – паремиологии, сказковедения и былиноведения. Эти дисциплины стали формироваться ещё в XIX в.

Необходимость в паремиологии была вызвана потребностью в научном осмыслении множества русских пословиц, опубликованных в сборниках И. М. Снегирёва и В. И. Даля. Необходимость в сказковедении в свою очередь была вызвана потребностью в научном осмыслении множества русских народных сказок, опубликованных в сборниках А. Н. Афанасьева и И. А. Худякова. Необходимость в былиноведении, наконец, была вызвана потребностью в научном осмыслении множества русских былин, опубликованных в сборниках К. Данилова, П. В. Киреевского, П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга.

Уже в XIX в. были предприняты попытки определить жанровое своеобразие, в частности, сказки и былины. В. Г. Белинский, например, видел разницу между былиной и сказкой в

разном отношении к их содержанию со стороны сказителей. Если былина, считал он, поётся с благоговением, то сказка рассказывается со скрытой насмешкой.

В. Г. Белинский писал: «Есть большая разница между поэмою или рапсодом (былиною. – *В. Д.*) и между сказкою. В поэме поэт как бы уважает свой предмет, ставит его выше себя и хочет в других возбудить к нему благоговение; в сказке поэт себе на уме: цель его – занять праздное внимание, рассеять скуку, позабавить других. Отсюда происходит большая разница в тоне того и другого рода произведений: в первом – важность, увлечение, иногда возвышающееся до пафоса, отсутствие иронии, а тем более – пошлых шуток; в основании второго всегда заметна задняя мысль; заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и внутренне смеется над собственным рассказом. Это особенно относится к русским сказкам» (Пр. С. 247).

Как в наше время определяют былину?

• Словарь С. И. Ожегова: «Былина – русская народная эпическая песня – сказание о богатырях».

• Словарь С. А. Кузнецова: «БЫЛИНА -ы; *ж.* Жанр русской народной эпической песни-сказания о богатырях и их подвигах, исполнявшейся обычно нараспев под аккомпанемент гуслей; сама такая песня».

• Терминология. ру: «Былина – произведение русского фольклора о подвигах героев-богатырей, которые защищали Русскую землю, и отражающая жизнь Древней Руси (IX–XIII вв.)».

У В. П. Аникина мы можем найти обстоятельное определение былин: «Это героические песни, возникшие как выражение исторического сознания народа в восточнославянскую эпоху и развившиеся в условиях Древней Руси; имели целью возвеличить народные идеалы, былины отразили историческую действительность в образах, жизненная основа которых соединена с вымыслом; былины обладают торжественно-патетическим тоном: их стихотворная ритмическая организация, стиль соответствуют назначению прославить необыкновенных людей и величественные события истории» (Ан. С. 303).

Если быть предельно кратким, то былины можно определить как эпические поэмы о богатырях. Такие, поэмы вовсе не являются достоянием только русского народа. Подобные поэмы создавались и другими народами. Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан в связи с этим писали:

«Некоторые эпические поэмы были составлены филологами или поэта ми в позднее время из сравнительно небольших народных эпических песен и преданий. Так, бурятский “Гэсэр” был составлен из улигеров (бу рятских эпических песен) писателем Намжилом Балдано (первая публ. – 1959 г.). Армянский “Давид Сасунский” составлен группой писателей из песен о Давиде из Сасунчи. “Калевалу” составил финский фолькло рист Э. Лённрот из собранных им карело-финских рун (эпических песен) о Калеви (первая редакция – 1835 г., вторая – 1849 г.)» (*Зуева Т. В., Б. П. Кирдан*. Русский фольклор. М., 1998. С. 202).

Ещё в XII в. во Франции была записана «Песнь о Роланде». Если киевские богатыри служили князю Владимиру, то Роланд – Карлу Великому. Реальный, а не эпический Карл Великий жил с 742 г. по начало 814. Он был королём франков – союза германских племён. Этот король был великим завоевателем. К концу жизни он создал империю, которая охватывала большую часть западной Европы.

Роланд служит эпическому Карлу Великому. Он – племянник короля и верный его защитник. Роланд наделён качествами, которые роднят его с русскими богатырями. Он силён, храбр, справедлив. До самой своей гибели он самоотверженно служит своему королю.

Русский народ создал такое множество песен о своих богатырях, с которым не может конкурировать ни одни народ. Эти песни иначе называют былинами, а также русским герои-

ческим или былинным эпосом. Кроме былин, он создал также и другие эпические песни – исторические, воинские и духовные. Подробно они описаны у В. П. Аникина (Ан. С. 366–444). Особого внимания заслуживают исторические песни.

Главное отличие исторических песен от былин состоит в степени их близости к реальной действительности. Если в былинах поётся о вымышленных героях, то в исторических песнях – о реальных – об Иване Грозном, Петре I, Степане Разине, Емельяне Пугачёве и т. п. При этом не следует забывать, что и в исторических песнях мы имеем дело в конечном счёте не с реальными людьми, а с их художественными образами. Однако эти образы в большей мере напоминают реальных прототипов, чем образы былинных богатырей, установить прототипы которых очень проблематично.

Возьмём для примера песню «Есаул сообщает о казни Разина». Вот как казнили великого народного заступника в действительности:

«6 (16) июня 1671 года Степан Разин после оглашения приговора был четвертован на эшафоте на Болотной площади. Прочитали длинный приговор. Разин выслушал его спокойно, потом повернулся к церкви, поклонился на три стороны, минуя Кремль с царём и сказал: *“Простите”*. Палач сперва отрубил ему правую руку по локоть, потом левую ногу по колено. Его брат Фрол, видя мучения Степана, растерялся и закричал: *“Я знаю слово и дело государево!”*. *“Молчи, собака!”,* – прохрипел в ответ Степан. Это были его последние слова: после них палач спешно отсёк ему голову. Руки, ноги и голова Разина, по свидетельству англичанина Томаса Хебдона, были воткнуты на 5 специально установленных кольев, а туловище брошено на съедение собакам» (Википедия. Разин Степан Тимофеевич).

А вот с какой горечью поётся о казни Степана Разина в исторической песне:

Нездорово на Дону у нас,
Помутился славный тихий Дон
Со вершины до чёрна моря,
До чёрна моря Азовского,
Помешался весь казачий круг,
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина.
Поймали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву.
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

С неменьшей любовью наш народ пел о другом своём заступнике – Емельяне Ивановиче Пугачёве (1742–1775). В некоторых песнях его образ приобретает черты сказочного героя. Таким он выглядит в песне «Пугачёв кручинится»:

Из-за леса, леса тёмного
Не бела заря занималася
Не красно солнце выкаталося,
Выезжал туто добрый молодец,
Добрый молодец, Емельян-казак,
Емельян-казак, сын Иванович.
Под ним добрый конь сив-бур-шахматный,
Сива гривушка до сырой земли,

Он идёт – спотыкается,
Вострой сабелькой подпирается,
Горючими слезами заливается:
«Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься?
Али чаешь над собой невзгодушку,
Невзгодушку, кроволитьице?»
Мы бились троя суточки,
Не пиваючи, не едаючи.
Со добра коня не слезаючи.

Исторические песни стали приходить на смену былинам уже в XVI в. В следующем веке они по существу вытесняют былины. В них отражены реалии уже не Древней Руси, а России, какой она начала становиться, начиная с XVI в.

В. Я. Пропп отмечал у исторических песен свои достоинства в сравнении с былинами. Он писал: «Историческая песня – одно из завоеваний эпохи. Она – шаг вперёд по отношению к старому эпосу, так как означает развитие реалистического искусства. Она имеет многие преимущества в сравнении с песнями эпоса. В ней уже нет элементов фантастики и гиперболизма. Герой исторической песни не может вести бой булавой, тележной осью или татарином, схваченным за ноги. В ней бой ведётся не в одиночку: в ней сражаются регулярные войска, предводительствуемые командованием, которому народ доверяет» (Пр. С. 358).

Историческая песня, вместе с тем, не смогла превзойти былину. У В. Я. Проппа читаем: «Историческая песня, представляя собой новую ступень в развитии народного искусства, качественно новое явление, всё же никогда не достигает той монументальности, величавости, грандиозности, значительности обобщения, которая создавалась работой многих поколений над эпосом» (там же. С. 359).

1.3.1. Формальные особенности былины

Формально-языковые особенности былинного жанра делятся на фонетические, словообразовательные, лексические, морфологические, синтаксические и текстуальные.

Фонетические особенности

Стихотворный ритм. Былины имеют стихотворную форму, но былинные стихи отличаются от привычных нам стихов, написанных определённым размером – ямбом (первый слог безударный, второй – ударный: «Какая грусть, конец аллеи…» у А. А. Фета), хореем (первый слог ударный, второй – безударный: «Мчатся тучи, вьются тучи…» у А. С. Пушкина), дактилем (первый слог ударный, второй и третий – безударные: «Слышу ли голос твой…» у М. Ю. Лермонтова) и др.

В былинах мы встречаемся со свободным стихом, в котором ямб, хорей, дактиль и т. д. в одной строке сосуществуют друг с другом. Возьмём такую строчку:

Как ехал он, Добрыня, целы суточки

«Как ехал он, Добрыня,» – ямб, «целы» – хорей, «суточки» – дактиль.

Рифма. В былинных стихах рифма встречается очень редко. Вот исключительные примеры:

На коня накладывает потни*чек*,

А на потничек накладывает войло*чек*.

* * *

И спустил как эту тетивочку шелков*ую*,
Да спустил он эту стрелочку калён*ую*.

Словообразовательные особенности

Уменьшительные суффиксы. Добрыню часто величают Добрынюшкой, а Алёшу – Алёшенькой. Владимир, когда его Калин припёр к стенке, обращается к Илье ласково:

Ты прости, сударь Илюшенька…

Много уменьшительных суффиксов употребляется в былинах в существительных и наречиях.

В существительных: *солнышко, реченька, речушка, рученьки, ноженьки, дружинушка, евствушка, питьище* и т. п.

Вот контекст для двух последних существительных:

Кормил его евствушкой сахарнею,
Да поил-то питьицем медвяныим.

В наречиях: *быстрёшенько, скорёшенько, тихошенько, скоренько, поскорёшеньку, близёхонько* и т. д. Такие наречия имеют яркую разговорную окраску.

Об Илье Муромце:

Подъезжал он к Соловью близёхонько.

О князе Владимире:

Поскорёшеньку он поворот держал.

Словообразовательные пары. Они очень характерны для былин. Вот лишь некоторые их примеры: *солнце – солнышко, звёзды – звёздочки, ветры – ветрушки, лебеди – лебёдушки, отечество – изотчина, государь – государин, царь – царища, племянница – племничка; Илья – Илюшенька – Илейка, Добрыня – Добрынюшка; Алёша – Алёшенька – Алёшка, сила – силушка; благословение – благословеньице, невзгоды – невзгодушки; поездка – поездочка, голова – головушка, очи – очушки, ноги – ноженьки, ягодицы – ягодиночки, руки – рученьки, локоть – локоточек, волосы – волосиночки, брови – бровушки, чара – чарка – чарочка, одежды – одежицы; жемчужины – жемчужинки; замки – замочки; высокая – высокошенька, статна – становитая, радостен – радёшенек, несчастный – бессчастный, бесталанный – неталанный.*

Сложные слова. Вот излюбленные в былинах сложные слова: *поры-времечки, травушка-муравушка, птички-пташицы, Киев-град, хлеб-соль, винцо-водочка, перинки-подушечки, данивыходы*. Но попадаются и более редкие, как, например:

Как стучит-то, гремит, Змей-собачище.

Лексические особенности

Архаизмы. Приведу здесь только некоторые устаревшие слова из былин:

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ	
Басота – красота	Оратай – пахарь
Братчина – пир в скдадчину	Паробок – товарищ богатыря
Гридня – приёмный зал, столовая	Повалуша – спальня
Ладушка – муж	Сур – богатырь, молодец
Камышнички – разбойники	Сыть – еда
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ	
Баска – красивая	Купавый – красивый
Блады – молодой	Черевоста – беременная
ГЛАГОЛЫ	
Бучить – мочить	Ратиться – воевать
Вихнуть – веять	Тумашиться – суетиться

Эпитеты. Многие существительные в былинах имеют устойчивые определения. Такие определения в былиноведении принято называть эпитетами.

Золото в былинах, как правило, *красное, серебро – чистое, жемчуг – скатный, звери – лютые, сокол – ясный, соболь – чёрный, змея – проклятая, кони – богатырские, молодец и конь – добрые, девица – красная, гусли – яровчаты, головушка – буйная, очи – ясные, уста – сахарные, груди и рученьки – белые, ноженьки – резвые, мать – родна, вдова – честна, Владимир – ласковый, палаты – белокаменны, богатыри – могучие, братцы – крестовые, дружинушки – хоробрые, пир – почестный, вино – зелено, погреба – тёмные и глубокие, лук – тугой, тетива – шёлковая, стрелочка – калёная, орда – тёмная* и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.